

A woman with long, wavy red hair, wearing a green dress with gold lace and a crown, is the central figure. She is framed by a decorative yellow border with grape motifs. The background shows a building with arched windows and a balcony. The text "Бертрис СМОЛЛ" is written in white script and serif fonts on the right side of the image.

Бертрис
СМОЛЛ

Гарем,
или Пленница
султана

Гарем Бертрис Смолл (АСТ)

Бертрис Смолл

Гарем, или Пленница султана

«Издательство АСТ»

1978

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Смолл Б.

Гарем, или Пленница султана / Б. Смолл — «Издательство АСТ»,
1978 — (Гарем Бертрис Смолл (АСТ))

ISBN 978-5-17-105959-0

Рожденная в знатной семье, она была похищена и продана в рабство в далекую страну. Леди Джанет Лесли не могла сбежать из гарема могущественного султана Селима. Но с того момента, как красавец-властитель увидел свою ослепительно прекрасную Сиру, он сам стал ее пленником – воспламененный яростным желанием, которое бурлило в его жилах. Она принадлежала ему телом и душой – однако он сам стал ее рабом... Ранее книга выходила в русском переводе под названием «Гарем».

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-105959-0

© Смолл Б., 1978

© Издательство АСТ, 1978

Содержание

Пролог	6
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	42
Часть II	46
Глава 9	46
Глава 10	53
Глава 11	64
Глава 12	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Бертрис Смолл
Гарем, или Пленница султана
Роман

Bertrice Small

The Kadin

© Bertrice Small, 1978

© Перевод. Е.Ю. Елистратова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Пролог

Апрель, 1484

На фоне серого неба замок Гленкирк казался почти черным. Подъемный мост сейчас был опущен, а вдоль стен медленно расхаживали солдаты, которые всегда были начеку, хотя вроде бы наступил мир. Но вчерашний друг сегодня мог легко превратиться во врага, не так ли?...

Внутренний двор замка внезапно огласился громким стуком копыт. Огромный черный конь, несущий всадника в плаще, пронесся по мосту и вылетел на дорогу. А всадник, чей плащ рвался на ветру, пустил коня галопом. Уносясь из замка, Патрик Лесли, лорд Гленкирк, оставлял за спиной и группу рыдающих женщин, и своего новорожденного сына, и мертвую супругу, леди Агнес.

В пылу бешеной скачки он то и дело вспоминал о событиях последних недель и месяцев.

Он так ждал рождения наследника! Агнес же легко переносила свое положение, и счастливая улыбка не сходила с ее уст даже в самом начале, когда бедняжку тошнило по утрам. Патрику Лесли было двадцать четыре. Осиротев, когда ему было всего десять, он воспитывался дядей и заодно многочисленными воинами, населявшими дядин дом. Женился Патрик поздно и в том возрасте, когда большинство его сверстников уже стали отцами многочисленных семейств, все еще оставался бездетным. Но затем он обратил внимание на миниатюрную светловолосую девушку, дочь клана Каммингс. И вскоре они поженились – просто с неприличной поспешностью, как говорили злые языки.

И вот, наконец, настал тот день, которого так ждали они оба. Ужасно взволнованный, граф мерил шагами переднюю, примыкавшую к спальне жены, а компанию ему составлял его двоюродный брат Йен. Внезапно послышался громкий и здоровый детский плач, и через минуту к ним вышла служанка леди Агнес, державшая на руках маленький сверток.

– Вот ваш сын, милорд. Леди Агнес желает знать, как вы его назовете.

Со счастливой улыбкой на лице Патрик разглядывал крошечное сморщенное личико младенца.

– Адам. Скажите ей, что его будут звать Адам, потому что он появился первым.

Служанка присела в реверансе, а затем с ребенком на руках удалилась в спальню. Йен Лесли склонил голову к плечу и, внимательно взглянув на родича, проговорил:

– Первый? А как же малышка Джанет?

– Адам – мой сын-первенец и мой законный наследник, болван!

Йен засмеялся и едва увернулся от дружеского тычка.

– Поспешి отправить гонца к родным Агнес, не то леди Каммингс повиснет у тебя на шее. И, что еще хуже, поселится в твоём доме, если ты не упредишь ее визит счастливым известием!

– Да, конечно. – Патрик кивнул. Они уже собирались покинуть переднюю, но тут дверь спальни распахнулась и на пороге опять появилась служанка.

– Леди Агнес... леди Агнес... – пролепетала она.

Патрик схватил ее за плечи и с силой встряхнул.

– Говори же, что там стряслось?!

– Кровь, – всхлипывая, сообщила служанка. – Пошла кровь! О, Пресвятая Дева, помилуй ее! – Рыдая, девушка выбежала из передней.

Патрик Лесли стремительно пересек комнату, но в дверях спальни путь ему преградила повитуха.

– Она умирает, милорд, – пробормотала женщина. – И я ничем не могу ей помочь.

– Бога ради, скажите, что произошло? – закричал граф.

– Она истекает кровью, милорд, и мы не можем остановить кровотечение. Вам лучше пойти к ней. У нее осталось очень мало времени. – На лице повитухи было написано искреннее сострадание; ей нравился лорд Гленкирк, а его жена была очень храброй и красивой леди.

В следующее мгновение Патрик ворвался в спальню жены и бросился к ее постели. Агнес Лесли тихо лежала на огромной кровати; а ее светлые волосы разметались по подушке. Краски жизни уже покинули ее лицо, глаза были закрыты, и на веках выступили синие прожилки.

Наклонившись, граф поцеловал жену в лоб.

– Вы подарили мне чудесного сына, мадам, – прошептал он.

Агнес открыла глаза и, едва заметно улыбнувшись, сказала:

– Попроси Мэри Маккэй, чтобы приехала сюда и смотрела за ребенком. Она еще не так стара...

– Милая, ты сама ее об этом попросишь.

– Нет, Патрик. Я умираю...

Он отвернулся с отчаянным стоном. Агнес же прошептала:

– Мой бедный Патрик, ты так и не научился встречать удары судьбы лицом к лицу.

Повернувшись к жене, граф воскликнул:

– Любимая, ты не должна так говорить! Ты поправишься! Ты не можешь нас покинуть!

– Патрик, ты сдержишь обещание, которое мне дал?

Граф молчал, и его супруга пояснила:

– Когда я сказала, что скоро подарю тебе ребенка, ты обещал, что привезешь Джанет в Гленкирк. Ты обещал признать ее по закону, чтобы я могла воспитывать девочку вместе с нашим ребенком. Патрик, она твоя дочь. Она – тоже Лесли.

– Любимая, но как я смогу жить без тебя?!

– Поклянись мне, Патрик, – продолжала умирающая. – Поклянитесь именем Пресвятой Девы!

– Не могу... – пробормотал граф.

– Патрик!.. – голос леди Агнес слабел. – Патрик, это моя предсмертная воля. Поклянись же!

– Клянусь! Клянусь именем Пресвятой Божьей матери! Я привезу мою дочь Джанет в Гленкирк, признаю ее по закону и стану воспитывать вместе с нашим сыном Адамом.

– Благодарю тебя, Патрик. Господь возблагодарит тебя за это, – прошептала леди Лесли – и затихла.

Лорд Гленкирк вернулся к действительности. Осадив коня, он съехал с главной дороги и свернул на обсаженную деревьями аллею, в конце которой стоял домик под аккуратной тростниковой крышей. Заслышав стук копыт, в дверях появилась невысокая женщина со щеками, точно румяные яблочки.

– Патрик!.. – крикнула она. – Нужно было предупредить, что ты приедешь! Как там Агнес?

– Она умерла, – с горечью ответил граф.

– А ребенок?

– Ребенок – мальчик. Здоровый и крепкий. – Спешившись, Патрик вошел в дом.

– Так как же так вышло, Патрик?

– Я не понимаю, Мэри! Все шло хорошо. А потом повитуха вдруг сказала, что у нее пошла кровь и что они не могут остановить кровотечение. Через несколько минут все было кончено.

– Ах, бедный мальчик! – воскликнула пожилая женщина.

– Перед смертью Агнес просила меня кое о чем... Во-первых – чтобы ты вернулась в Гленкирк, где будешь смотреть за ребенком. Поедешь, Мэри?

– Да, Патрик, конечно. Я нянчила тебя, буду нянькой и твоему сыну. А о чем еще Агнес просила перед смертью?

– Просила, чтобы я признал Джанет своей законной дочерью и воспитывал ее вместе с нашим сыном. Первый раз она попросила об этом еще тогда, когда узнала, что носит ребенка. И это стало ее последней просьбой. А я поклялся именем Пресвятой Девы, что исполню ее.

– Господи, благослови и упокой ее добрую душу, – прошептала Мэри Маккэй. – Любая другая держала бы девочку подальше от тебя. Пусть даже это случилось еще до твоей женитьбы. Какой доброй была Агнес Каммингс...

Граф кивнул, а Мэри продолжила:

– Но Патрик, если ты женишься снова... Как примет Джанет твоя новая супруга?

– Я убил двух женщин, которые носили моих детей, Мэри! Сначала – Мег, твою дочь, которой едва исполнилось шестнадцать. А теперь – Агнес. Ей было всего семнадцать. Нет, я не женюсь снова.

– Злая судьба, мой мальчик... – со вздохом проговорила пожилая женщина. – Но если когда-нибудь ты решишь поставить на огонь новый котелок... Тогда, наверное, мы как-нибудь справимся. Скажи, а как ты назвал младенца?

– Адам.

– Хорошее имя, – кивнула Мэри.

Какое-то время они молча сидели перед камином, в котором весело пылал огонь. Наконец граф спросил:

– А где Джанет? Я хочу увезти ее в Гленкирк сегодня же вечером.

– Она в овчарне, смотрит новорожденных ягнят. – Мэри подошла к двери и, открыв ее, позвала: – Джанет, иди сюда! Твой отец здесь!

На зов прибежала четырехлетняя девочка с непокорной гривой рыжевато-золотистых волос.

– Папа, ты не говорил, что приедешь! А что ты мне привез?

Мэри тяжело вздохнула и проговорила:

– Воистину она твоя дочь, Патрик Лесли!

– Пригоршню поцелуев и охапку объятий, проказница моя! – рассмеялся он, подхватывая девочку на руки. А она со смехом прижалась к его плечу. – Джанет, а не хочешь ли ты прямо сегодня поехать со мной в Гленкирк?

– Чтобы там жить, да, папа?

– Да.

– Насовсем?

– Живи там, сколько сама пожелаешь, моя радость!

– А бабушка тоже поедет?

– Да, Джанет. Твоя бабушка приедет к нам и будет заботиться о твоём маленьком брате Адаме.

– А мне можно называть леди Агнес мамой?

Мэри Маккэй побледнела, а Патрик пробормотал:

– Джанет, леди Агнес умерла. Она отправилась на небо, как и твоя дорогая мамочка.

Малышка тоже вздохнула.

– Значит, теперь у тебя есть только бабушка, Адам и я, да, папа?

– Да, Джанет.

Девочка поерзала в объятиях отца и задумалась на минуту. Потом, наконец, устремила на него совсем недетский взгляд золотисто-зеленых глаз и сказала:

– Да, папа, тогда я поеду с тобой в Гленкирк.

Патрик повернулся к Мэри Маккэй.

– Принеси ее плащ. Завтра я пришлю за тобой карету. Собери свои вещи.

Мэри как следует закутала девочку в шерстяной плащ и вывела ее из дома. Отец, уже ожидавший верхом на лошади, протянул к малышке руки.

– Не печалься, Патрик, – сказала Мэри, отдавая ему девочку. – Теперь ты должен думать о детях.

– Знаю, Мэри, знаю... – Граф усадил дочку в седло перед собой и, дав шпоры коню, поскакал сквозь быстро сгущавшиеся сумерки к замку Гленкирк.

Часть I

Дочь посла

1490–1493

Глава 1

Утирая руки о рубашку, Яков IV, король Шотландии и Островов, откинулся на спинку кресла и окинул зал внимательным взглядом. По левую руку от него сидел Патрик Лесли, лорд Гленкирк, который как раз в эту минуту оживленно беседовал с хорошенькой любовницей Якова. А король, казалось, о чем-то задумался, чуть прикрыв глаза. Менестрель же тем временем пел печальную песню, сложенную где-то на границе.

Тут король шевельнулся и, снова осмотрев зал, отметил, что многие поглядывали с любопытством то на него, то на Патрика Лесли. Отлично, подумал Яков, пусть гнусные интриганы ломают себе головы! Боже правый, ну почему так редко встречаешь человека, которому можно доверять? Однако ответ на этот вопрос был ему прекрасно известен.

Справа от короля сидел Хепберн Хейлс, которого он только что сделал графом Босвеллом. И у новоиспеченного графа, насколько успел заметить Яков, была весьма пылкая поклонница – юная рыжеволосая девушка, украдкой бросающая на него взгляды из-под ресниц. В очередной раз взглянув на Босвелла, она тихо сказала:

– Говорят, милорд, вы хотите посвататься к девушке из семьи Гордон...

– Ах, мисс Лесли, вы всего два дня при дворе, – а уже знаете все сплетни! – воскликнул в ответ граф, снисходительно глядя на свою юную поклонницу.

– Вам лучше выбрать леди Мэри, милорд. Она такая красивая!.. И, говорят, отличается кротким нравом.

– А леди Джейн? – с лукавой улыбкой осведомился Босвелл.

– У нее кошачьи глаза, и она вспыльчива, как сам дьявол – так мне говорили, – с невинным видом ответила девушка.

Сидевшая по другую руку от графа леди Джейн Гордон гневно воззрилась на нее.

– Кузен, с каких это пор вы сажаете за стол сопливых девчонок? – осведомилась она с презрительной усмешкой.

– Я уже не ребенок, миледи! – заявила девушка.

Леди Джейн Гордон тут же встала.

– Ужасно хочется надрать тебе уши, бесстыдница, – резко проговорила она.

Рыжеволосая тоже вскочила и, решительно шагнув к своей прекрасной сопернице, воскликнула:

– «Стой на своем» – вот девиз моей семьи! А ваш включает слово «хитрость», не так ли, леди Джейн?

В зале воцарилась гробовая тишина, когда леди Джейн набросилась на Джанет Лесли. Однако малышка Джанет не стала дожидаться, когда соперница влепит ей пощечину, – напротив, у Джанет наготове были и кулаки, и острые ногти.

Леди Джейн, не ожидавшая такого отпора, в удивлении вскрикнула и попыталась защититься. А граф Босвелл, рассмеявшись, поднялся на ноги и придержал разбушевавшуюся девушку, обхватив ее за плечи.

– Пустите! – завизжала Джанет, молотя кулачками по груди Босвелла.

– Уймись, девочка. Битва окончена, и ты победила, – проговорил граф, отпуская ее.

Джанет сверкнула на него зелеными глазами, а он добавил:

– А теперь улыбнись нам.

Губы девушки дрогнули, и она сказала:

– Милорд, от вас пахнет вереском...

Босвелл снова рассмеялся. Король же вдруг проговорил:

– Неужели никто не уложит спать эту маленькую разбойницу? Ведь она сейчас начнет кровную вражду между Лесли и моими кузенами Гордонами.

Тут Патрик Лесли встал и решительно направился к своей дочери. Джанет помрачнела и воскликнула:

– Я никуда не пойду! Или пусть меня отведет граф Босвелл!

Находившиеся в зале мужчины разразились громким хохотом. Женщины же, смущаясь, захихикали – репутация графа в отношении женского пола была отлично известна.

– Лесли, сколько лет твоей строптивой дочери?! – вскричал Яков.

– Десять лет, сир.

– Помогите нам всем Бог, когда ей стукнет четырнадцать! Она разнесет весь королевский двор! Очень хорошо, миледи Джанет, – продолжал король. – Лорд Босвелл проводит тебя в твои покои. Лесли, вы пойдете со мной. – Яков обвел взглядом придворных и добавил: – А вы все – вон отсюда! Возвращайтесь к своим интригам да сплетням. Пир окончен.

Король поднялся и тут же направился в свои личные покои. Лорд Гленкирк последовал за ним. Усевшись в кресло, Яков Стюарт проговорил:

– Итак, милорд Гленкирк, потребовался специальный королевский указ, чтобы вы явились ко двору?

– Да, ваше величество.

– Однако вы были в числе тех немногих вождей, что поддержали меня против моего покойного отца. Почему?

– Я понимал, что правда на стороне вашего величества. В свое время ваш отец был великим королем, но он состарился и выжил из ума. А Шотландии нужен был молодой правитель! Вот я и выступил на стороне вашего величества. Но теперь я держусь подальше от королевского двора, так как мне нужно управлять собственными владениями. Однако же, как отлично известно вашему величеству, я далек от всяческих интриг. А здесь, в Эдинбурге, нужно владеть искусством интриги, если хочешь выжить.

– Может, вы и не интриган, Патрик Лесли, но уж точно великий дипломат. Поэтому я вас и вызвал. – Лорд Гленкирк молчал, весьма озадаченный, а король продолжал: – Я решил, что стану первым из шотландских королей, отправившим послов для представительства в других странах. И я желаю, чтобы вы стали моим послом в герцогстве Сан-Лоренцо.

– Да простит ваше величество мою необразованность... но где оно, это герцогство Сан-Лоренцо? – пробормотал Патрик.

Яков Стюарт расхохотался.

– Я и сам узнал о нем всего несколько месяцев назад! Это крохотная страна где-то в Средиземноморье, но она очень нужна нам – для развития торговли с Венецией и Востоком. Наш дорогой кузен Генрих Английский уже несколько лет пытается с ними подружиться, однако у его жалких посланников такие же кислые физиономии, как и у самого Генриха. Они весьма раздражают тамошнего герцога, человека культурного и щедрого. В прошлое Рождество он отправил ко мне целую посольскую свиту. Они уехали от меня, увозя щедрые и богатые дары, а также обещание прислать к ним весной нашего посла.

– Но, ваше величество, – возражал Патрик, – разве я придворный? Я простой горец, предводитель клана. Знаю только свой народ да свои поместья. Разумеется, найдется кто-нибудь другой, более достойный этой чести.

– Нет, милорд. Мне нужны вы. Говорите что угодно, но я-то знаю, что вы человек образованный и, как говорят, умеете быть весьма красноречивым и убедительным. Герцог Сан-

Лоренцо отличается утонченным вкусом. Те неотесанные болваны, которых отправил к нему Генрих, так его разозлили, что он надумал обратиться ко мне лишь затем, чтобы досадить нашему английскому кузену. Шотландия – бедная страна, Патрик. Нам нужна безопасная бухта на Средиземном море, куда наши корабли могли бы заходить для пополнения запасов воды и провизии, и тогда мы сможем торговать с Левантом. А за товары, которые мы начнем оттуда доставлять, Англия будет платить втридорога! Прежде я ни о чем вас не просил, милорд, но теперь прошу. Не заставляйте меня вам приказывать! Я слишком высоко ценю и вашу дружбу, и вашу преданность.

– Но кто будет заботиться о моих людях и моих землях?

– Мы пошлем туда вашего кузена, Йена. Он честный и преданный человек. К тому же нашим дамам он кажется слишком привлекательным, поэтому здесь, при дворе, Йен нажил много врагов в лице мужей и отцов. Мы найдем ему хорошую жену и отправим в Гленкирк в качестве управляющего.

– Как долго мне надлежит оставаться в Сан-Лоренцо, сир?

– Я прошу вас пробыть там всего три года, Патрик. Затем я пошлю туда кого-нибудь вам на смену, и вы сможете вернуться домой. Возьмите с собой семью и слуг. – Яков встал и подошел к окну. – У вас ведь двое детей?

– Да, ваше величество. Сын Адам, которому шесть, и дочь Джанет.

– Ага... – улыбнулся король. – Маленькая рыжеволосая плутовка, которая сегодня довела до бешенства леди Джейн Гордон. Скажите, она помолвлена?

– Сир, ей всего десять.

– Но в этом возрасте многие девицы уже помолвлены. У герцога Сан-Лоренцо есть сын, парень четырнадцати лет. И если ему понравится ваша дочь, мы никоим образом не станем возражать. Однако это – отнюдь не приказ. Ведь он, возможно, окажется увальнем с кривыми зубами. Мне бы не хотелось, чтобы наша шотландская красавица растратила жизнь на болвана!

– Благодарю, ваше величество, – пробурчал Патрик.

– Вы должны быть готовы к отплытию через месяц, – продолжал король. – Сэр Эндрю Вуд распорядится насчет корабля для вас, вашей семьи и челяди. Желаю вам удачи, Патрик...

Аудиенция подошла к концу, и Патрик Лесли, низко поклонившись, вышел из королевских покоев. Голова графа шла кругом. Во-первых, он теперь – посол при дворе герцога Сан-Лоренцо! А во-вторых... Ведь вполне возможен был союз его дочери с наследником одного из королевских домов Европы! Ему бы радоваться, но нет, им овладела печаль – как будто он потерял нечто очень дорогое его сердцу. Черт бы побрал мифическое кельтское наследие, эту склонность к дурным предчувствиям! Пожав плечами, Патрик поспешил к себе, чтобы сообщить новость домашним.

Глава 2

Герцогство Сан-Лоренцо нежилось под теплым сентябрьским солнцем. Изумрудно-зеленые склоны холмов, плавно спускавшиеся к морю, были испещрены яркими пятнами цветущих растений – красными, желтыми и оранжевыми, – а на южной стороне холмов буйством пурпурно-фиолетового и золотисто-желтого поражали налитые гроздья виноградников. В долине же, по ту сторону прибрежных холмов, созревающая пшеница с нетерпением дожидалась жнецов.

Примостившаяся на высоте, над самым Средиземным морем, столица герцогства радовала глаз яркими красками; мощенные булыжником улицы карабкались вверх и сбегали вниз мимо домов самых разнообразных расцветок, и ни один не повторял другой. Неслучайно город получил свое имя – Аркобалено, что по-итальянски означало «радуга».

Сверху на город взирал дворец Себастьяна, герцога Сан-Лоренцо, а чуть пониже, обращенная фасадом к морю, стояла вилла розового мрамора, где на ближайшие несколько лет поселился его превосходительство Патрик Лесли, граф Гленкиркский, посол его католического величества Якова Шотландского.

Леди Джанет Мэри Лесли сидела по-турецки на постели и расчесывала свои длинные рыжевато-золотистые волосы. Лукаво сверкали ее зеленые глаза, обращенные на восьмилетнего брата Адама, расхаживавшего по комнате.

– Джан, неужели нельзя поскорее?! – воскликнул мальчик. – Руди дожидается уже почти час!

Джанет рассмеялась.

– Адам, ты можешь идти, если хочешь. Но держу пари, что без меня Руди не сделает ни шагу.

– Ты кокетка, Джанет Лесли! Так и папа говорит! – мальчик с укоризной взглянул на сестру.

– А вам, мастер нахал, позволено поехать с нами лишь потому, что таковы требования приличий, ибо я достигла такого возраста, что меня пора отдавать замуж.

– Ха-ха! – рассмеялся Адам. – Говоришь, замуж? Папа не допустит твоей помолвки с Руди, пока тебе не исполнится хотя бы четырнадцать!

– Мне он ничего такого не говорил.

– Такие вещи с женщинами не обсуждают, – с высокомерным видом произнес Адам.

– Ты подслушивал! О-о... Адам, расскажи, что говорил отец! А я за это подарю тебе одного из щенков Фионы, когда они родятся.

– Самого лучшего?

Джанет задумалась. Лучшего щенка девушка собиралась подарить Руди, однако любопытство пересилило, и она кивнула в знак согласия.

Адам же забрался на постель поближе к сестре и заговорщическим тоном проговорил:

– Нет, Джан, я не хотел подслушивать. Просто папа забыл, что я его жду, и я услышал его разговор с герцогом Себастьяном. Отец сказал, что если спросить его, то и четырнадцать – это слишком мало, но он даст согласие на помолвку при условии, что свадьбу справят не раньше, чем тебе исполнится шестнадцать или семнадцать.

– Ты лжец, Адам Лесли!

– Я не лгу! Спроси папу сама!

Джанет стремительно спрыгнула с постели. Качнув бедрами, девушка расправила юбку, затем выбежала из спальни. Кипя от возмущения, Джанет бежала по коридору, ведущему в покои отца. Она-то надеялась, что на следующее Рождество объявят о ее помолвке с Рудольфо, наследником герцогства Сан-Лоренцо!

Девушка вихрем пронеслась мимо изумленного слуги и ворвалась в отцовские покои. В этот момент Патрик Лесли лежал в постели, лаская пышногрудую брюнетку с золотистой кожей. Вскочив, он закричал:

– Джанет, тебе ведь говорили, чтобы ты не входила ко мне, не постучавшись!

– Отец, ты бы все равно не услышал. – Джанет с усмешкой сделала реверанс. – Мне нужно поговорить с тобой по делу исключительной важности!

– Выйди! – приказал Патрик лежащей в постели девушке. Та медленно поднялась, надув губы, а граф добавил: – Только не уходи далеко.

Когда девица вышла, он снова повернулся к дочери.

– А теперь, миледи... Что за важное дело заставило тебя ворваться ко мне в спальню без спроса?

– Адам сказал, будто слышал, как ты говорил герцогу Себастьяну, что не допустишь моей помолвки до тех пор, пока мне не исполнится, по крайней мере, четырнадцать. А свадьба якобы состоится не раньше, чем мне исполнится шестнадцать! Это правда?...

– У твоего брата слишком большие уши и болтливый язык, – проворчал Патрик.

– Значит, это правда?

– Да, Джан.

– Но почему, отец? Почему ты так со мной поступаешь? Четырнадцать – не так уж мало для замужества!

– Я не позволю тебе умереть во время родов – как было с твоей матерью и матерью Адама, – заявил граф.

– Какие глупости! – вспылила Джанет. – Я ничем не похожа на Мег – ни лицом, ни фигурой! А что до Агнес, так она была такой хрупкой, что того и гляди, сломается. Женщины из рода Лесли всегда рожали кучу детей! А ведь я – урожденная Лесли! – с гордостью добавила она.

Патрик поморщился. Он обожал свою девочку. И почему время пролетело так быстро? ... Казалось, только вчера она была совсем крошкой, его милой маленькой дочуркой, которая карабкалась к нему на колени, чтобы уговорить рассказать ей сказку. А теперь вот стоит перед ним... Уже не ребенок, – но еще и не женщина, черт возьми!

А Джанет тем временем продолжала:

– Вот, папа, смотри! – Она одернула юбку, туго обтягивая свой плоский живот и бедра. – Бабушка говорит, что я просто создана для материнства. С нею согласны и брат Дундас, и падре Джан!

– Черт бы побрал и твою бабу, и этих болтливых священников! – в раздражении вскричал Патрик. – Я не допущу, чтобы ты вышла замуж в четырнадцать лет! Да и что ты знаешь о браке? Только не цитируй мне катехизис. Думаешь, брак – это сплошные празднества и охотничьи выезды? Что ж, юная леди, позвольте вам сообщить, что это не так. От вас будут ожидать, чтобы вы произвели на свет наследника, причем как можно скорее. А потом вам придется закрепить успех, народив кучу братьев и сестер. И при первых признаках того, что ты ждешь ребенка, тебя заточат в четырех стенах – точно монахиню. А что до Руди, то вряд ли ты будешь видеть его часто. Разве что в постели...

– Это не так! – Джанет топнула ножкой. – Руди – весьма учтивый кавалер до кончиков ногтей!

– Ага. Пока ухаживает за тобой. Но потом, как только брак будет скреплен таинством первой брачной ночи и ты понесешь, он умчится развлекаться с какой-нибудь хорошенькой чертовкой – вроде той, что дожидается сейчас в коридоре!

– Тогда я заставлю его сделать мне ребенка! – с вызовом воскликнула Джанет. – В результате тебе придется нас поженить.

Тут Патрик Лесли, схватив дочь за руки, заглянул ей в глаза и обманчиво спокойным голосом, не предвещавшим ничего хорошего, проговорил:

– На меня нельзя давить, девочка моя. Только попробуй – и я посажу тебя на корабль, отправлю назад в Шотландию и запру в монастыре. С ребенком или без ребенка, но ты останешься там до самой смерти. Неужели ты и впрямь думаешь, что Руди станет тебя ждать? Да он женится хоть на Медичи, хоть на одной из тулузских принцесс. – Отпустив руки дочери, граф обхватил ладонями ее личико в форме сердечка и пристально посмотрел в глаза упрямцы. – Ох, Джен... Мы так мало прожили вместе. Неужели ты уже готова меня покинуть?

– Но отец, я ведь женщина!

– Только очень уж молоденькая, – проворчал Патрик.

– О-о, отец, ты просто невозможен! – вскричала девушка.

Патрик рассмеялся.

– Ладно, плутовка, хорошо. Пойду тебе навстречу, но лишь в том случае, если мой лекарь решит, что ты достаточно сильна и созрела для брака. И если он даст свое согласие... Тогда мы объявим о твоей помолвке незадолго до Рождества, как хочет герцог Себастьян.

Джанет просияла, а граф вновь заговорил:

– Однако свадьба состоится не раньше, чем наступит твой пятнадцатый день рождения.

Подхватив юбки, девушка закружилась по комнате.

– Спасибо, папа! Спасибо! Нужно срочно сказать бабушке и Адаму!.. – Поцеловав отца в щеку, Джанет вылетела из комнаты. – Теперь можешь войти, – бросила она ожидающей в коридоре брюнетке.

Глава 3

В день помолвки Джанет Лесли рассвет выдался ясным, ярким и теплым. Было шестое декабря, день Святого Николая. Лежа в постели, Джанет наслаждалась последними минутами покоя – то была настоящая роскошь в преддверии напряженного и хлопотного дня. Девушка была очень взволнованна – ведь предстояло сделать последний шаг, после которого возврата уж не будет!

В полдень она под руку с отцом войдет в собор Аркобалено, где епископ официально объявит ее невестой Руди. А в свой пятнадцатый день рождения, всего через два года и несколько дней, она выйдет замуж. При мысли об этом Джанет даже поежилась в сладостном предвкушении.

В спальню вошла горничная Флора и тихо проговорила:

– Пора вставать, госпожа, ванна ждет.

Горничная помогла хозяйке встать с постели и сняла с нее ночную рубашку. Прошлепав босиком по прохладным плиткам пола, Джанет забралась в ванну. Вода благоухала розами. Флора, суровая немолодая женщина, которая опекала Джанет с той поры, как девочке исполнилось четыре, принялась энергично тереть ей спину. Затем, велев встать, облила ее чистой водой, после чего насухо вытерла хозяйку полотенцем и усадила, чтобы подрезать ногти на руках и ногах.

В сопровождении двух девушек-прислужниц в комнату вошла Мэри Маккэй – они принесли платье, в котором Джанет предстояло появиться на церемонии обручения. Это было ее первое «взрослое» платье, и Джанет не терпелось его надеть. Мэри с любовью смотрела на внучку. «Ничего в ней нет от Мег, – думала она. – Чистая Лесли!»

Глядя на свое отражение в зеркале, юная леди Джанет Лесли знала, что она красива. Ее платье было из тяжелого белого шелка с низким прямоугольным вырезом лифа и длинными летящими рукавами. Под платьем же находился корсет с шелковыми нижними юбками. Верхняя юбка спереди расходилась на две половины, расшитые по краям золотыми цветами; а вставка между половинами сияла шелком девственной белизны. Вверху полы платья были сколоты брошью из золота, топазов и алмазов – то был подарок Руди своей невесте.

Флора накинула на плечи девушки бархатную накидку цвета топаза. Бабушка же в последний раз пригладила волосы Джанет – распущенные в знак того, что она девица, – а затем надела ей на голову маленькую шапочку из золотой сетки.

Патрик Лесли был не менее великолепен в костюме из темно-зеленого бархата. При виде дочери его сердце болезненно сжалось. «Чертов Яков Стюарт!.. – подумал он. – Если б не он, этой помолвки бы не случилось». Но в глубине души граф понимал, что все равно потерял бы дочь рано или поздно – будь то Рудольфо ди Сан-Лоренцо или какой другой парень. Утешало лишь одно: до свадьбы оставалось еще добрых два года.

– Ты настоящая красавица, моя дорогая, – сказал граф.

Джанет улыбнулась, подавая отцу руку. А затем он повел ее к стоявшим наготове лошадям.

Для декабря день выдался на редкость теплым, а в соборе с его толстыми каменными стенами царил душливая влажная жара. Старый епископ монотонно говорил что-то нараспев – куда дольше, чем следовало бы, и Джанет про себя возблагодарила небеса за то, что запретила служить по такому случаю торжественную мессу. Она заявила, что торжественная месса годится для свадьбы, а не для скромной церемонии обручения.

Наконец, слава Богу, все закончилось. Они с Руди подписали официальный документ – брачный контракт – и покинули собор. На верхней ступеньке широкой мраморной лестницы

будущие супруги – тоненькая рыжеволосая девушка и высокий кудрявый юноша – однако же задержались, и жители Сан-Лоренцо приветствовали радостными криками.

Загорелое лицо Руди озарилось улыбкой.

– Я приготовил вам подарок, – сказал он.

– Подарок? Но я думала, что брошь и была вашим подарком на обручение!

– И она тоже. Это традиция. Но я выбрал для вас и еще кое-что...

Джанет улыбнулась.

– Что же именно?

– О, это сюрприз, – ответил юноша и повел невесту вниз, чтобы посадить на лошадь. – Вы увидите подарок, когда мы вернемся во дворец. Однако уверяю, у вас никогда не было ничего подобного. Вам позавидует любая женщина в Сан-Лоренцо!

Жених с невестой поскакали вверх по холму, на котором стоял дворец, где им предстояло принять поздравления от всего герцогского семейства, священников и прочих знатных жителей страны. Позже, когда они остались в окружении одних только ближайших родственников, Руди обнял невесту за тонкую талию и с улыбкой произнес:

– Говорил ли я вам сегодня, что люблю вас?

– Только сегодня?

– Каждый день, моя дорогая! – Руди поцеловал девушку в ушко, и та покраснела, а он рассмеялся. – Вы сделались много скромнее, став моей официальной невестой! Я нахожу это просто очаровательным.

– Рудольфо! – громогласно воскликнул герцог. – Полагаю, сейчас самое время преподнести подарки нашей Джанетте! – Он хлопнул в ладоши, и вошли слуги, целая процессия, причем каждый из них нес перед собой поднос с какой-нибудь шкатулкой и букетом цветов.

Джанет приятно позабавила присутствующих, когда вскрикнула, не в силах сдержать своего восторга.

– Теперь-то вы видите, отчего я так противился ее замужеству в столь раннем возрасте, – с усмешкой сказал Патрик, обращаясь к герцогу Себастьяну.

– Замужество заставит ее повзрослеть, – возразил герцог.

В обитом белой кожей маленьком сундучке, к которому в первую очередь потянулась рука Джанет, обнаружили жемчуга семьи Сан-Лоренцо – традиционный дар правящего герцога будущей невестке. Герцогиня же подарила ей шкатулку красного сафьяна, в которой лежали туалетные принадлежности – два гребня, щетка для волос и зеркало в золотой оправе; а в золотой коробочке находились черепаховые заколки. Еще здесь были три флакончика из венецианского хрусталя; один благоухал розовой водой, другой – лавандой, а в третьем находился редкостный восточный мускус. В мешочке же бледно-голубого бархата лежали свечи из чистого белого воска, а также подсвечник из золота и хрусталя.

Юный Адам преподнес сестре золотое кольцо с гербом рода Лесли и выгравированной внутри надписью – «Моей дорогой сестре Джанет от Адама». Она тотчас подошла к нему и, поцеловав в щеку, сказала:

– Ты замечательный брат, мой дорогой Адам.

Покраснев от смущения, мальчик вырвался из ее объятий, и Джанет продолжила рассматривать подарки. На последнем подносе лежало украшенное нарядным тиснением кожаное седло.

– О, Руди! – воскликнула девушка. – Какое чудесное седло!

– Но оно не от меня, дорогая! Это подарок вашего отца.

– К седлу прилагается и еще кое-что... – с улыбкой произнес граф. – Выйди-ка на террасу, дорогая, и погляди, что приготовила для тебя бабушка.

Все вышли на террасу и увидели прекрасную белую кобылку, которую держал под уздцы молодой чернокожий мужчина в ярко-красных атласных шароварах, желтом тюрбане с белым

пером и золотой серьгой в левом ухе. Его обнаженная грудь, смазанная маслом, блестела на ярком солнце.

– Кобылку зовут Мальва, – сообщил Патрик.

– А это, – подхватил Руди, положив руку на плечо чернокожего парня, – это Мамуд. Он обращенный в христианство африканец и мой особенный подарок для вас, дорогая. Я купил его у капитана торгового судна, которое бросило якорь у нас в гавани на прошлой неделе. Мамуд оскотен. То есть он евнух.

Джанет пришла в восторг от африканца, а вот Мэри Маккэй – нет. Более того, она была в ужасе!

– Черный, как ворон! Наверняка он принесет нам несчастье, – заявила бабушка. – О чем только думал господин Руди, когда преподнес тебе, Джанет, такой подарок?

Мамуд исподлобья буравил старую шотландку своими быстрыми черными глазами, немедленно записав ее в свои враги. Девушка же воскликнула:

– Не смей, бабушка! Мавры все больше входят в моду!

– Одно дело, если б это был ребенок, – стояла на своем старушка. – Но взрослый?... Оскотенный он или нет, – но мне его вид совсем не нравится...

В тот вечер Джанет долго стояла на балконе и смотрела на расстилавшееся внизу море. День выдался долгий, и она радовалась, что он, наконец, подошел к концу. Рваная стрела молнии пронзила небо, а затем грянул гром, эхом прокатившийся по окрестным холмам. Было ясно: скоро хлынет дождь, который принесет прохладу после изнурительной духоты.

Джанет вернулась в комнату и бросилась на кровать. Закрыв глаза, она приказала себе расслабиться. Сегодня вечером с ней случилось... нечто особенное – она вдруг поняла, что Руди, как и ей, ужасно хотелось побыстрее заключить настоящий брак.

Они тогда сидели в герцогском саду, и Руди, который прежде ограничивался поцелуем в щеку время от времени, теперь обнял ее за талию и поцеловал прямо в губы. Сначала Джанет изумилась и даже немного испугалась, однако Руди прошептал ей что-то ласковое на ухо, и она позволила ему второй поцелуй. Ее невинная страстность подстегнула его пыл, и она внезапно почувствовала, как руки жениха осторожно ласкают ее груди. Более того, она будто со стороны услышала стон, тихо сорвавшийся с ее губ. А потом все тело ее сделалось горячим... и странно ослабевшим. Но тут громкие крики Адама и младших братьев Руди, затеявших неподалеку какую-то шумную игру, вернули ее к действительности, и девушка отпрянула, охваченная внезапным страхом.

Руди же многозначительно улыбнулся и проговорил:

– Так долго ждать дня нашей свадьбы, Джанетта...

– Знаю, – вздохнула она. – Однако отца не переубедить.

И вот сейчас, заново переживая эти мгновения в своей спальне, Джанет думала о том, что отец, возможно, был прав. Да, она ужасно любила Руди, однако он пробудил в ней чувства, с которыми ей, наверное, пока что не справиться... Возможно, она действительно еще слишком молода, и, следовательно...

Может быть, попросить отца, чтобы отодвинул дату свадьбы? Или не стоит? Что ж, у нее еще много времени в запасе, так что она успеет все обдумать.

Внезапно хлынул проливной дождь, яростно барабанивший по красной черепице крыши. Перевернувшись на живот, Джанет сладко зевнула и через несколько минут погрузилась в сон.

Глава 4

Вскоре пролетело Рождество, и одна тысяча четыреста девяносто третий год от Рождества Господня вступил в свои права, а затем начались праздники с их пирами и увеселениями – счастливые времена! Уже не ребенок, но еще и не взрослая женщина, Джанет Лесли должна была теперь учиться обязанностям будущей герцогини Сан-Лоренцо. Она вместе с Руди появлялась на всех официальных и церковных церемониях, а в день Рождества раздавала милостыню беднякам Аркобалено.

Под руководством бабушки Джанет также училась обязанностям хозяйки дома. Да-да, ведь ей придется надзирать за слугами и ведать запасами провизии в замке, когда она станет герцогиней Сан-Лоренцо! Придется следить, чтобы слуги исправно делали свою работу, и заботиться о пропитании всех обитателей замка – семьи, приживалов и слуг, а также солдат. Нужно было научиться заказывать съестные припасы, что предполагало и знание многочисленных рецептов; следовало, например, понять разницу между ординарными винами и благородными напитками, приличествующими утонченному вкусу знатных господ.

Однако оказалось, что труднее всего – это держать слуг в строгости и послушании. По природе своей Джанет была слишком мягкосердечна, и прислуга это знала. Однажды ей довелось подслушать разговор двух юных посудомоек, одна из которых жаждала пойти на карнавал с подручным мясника.

– Ты ей просто скажи, – наставляла первая, – будто хочешь съездить домой и навестить больную матушку. Она тебя пожалеет и не станет задавать вопросов.

Джанет вскипела. Выходит, ее тут считали дурочкой! Но гнев быстро улегся, и верх взял добрый шотландский здравый смысл. Когда девушка с кухни попросила отпустить ее к больной матери, Джанет была само сострадание.

– Разумеется, нужно поехать домой, – сказала она и вызвалась сопровождать девушку, а также посоветовала ей прихватить с собой корзину с угощением, дабы ускорить выздоровление болящей.

Юная служанка пришла в ужас. Как отказать хозяйке, которая была к ней так добра? В конце концов девушка разрыдалась и призналась в обмане. Джанет послала на кухню за второй девицей, а потом вынесла приговор обеим.

– Ты, – сказала она плачущей служанке, – получишь пять ударов плетью за то, что солгала мне. Это легкое наказание, однако пусть твое раскаяние терзает тебя сильнее, чем боль в спине! Знаю, что ты мне больше не солжешь. Если бы ты сказала, что хочешь пойти на карнавал, я бы тебе разрешила – конечно, при условии, что ты сделала бы всю работу.

Девушка бросилась на колени, целуя подол платья своей госпожи. А Джанет, повернувшись ко второй девице, строго сказала:

– Твой проступок гораздо серьезнее. Ты подначивала подругу обмануть меня. Поэтому вечером, когда ты закончишь работу, тебе дадут десять ударов плетью. А ночь ты проведешь в молельне и будешь просить Деву Марию, чтобы помогла тебе исправиться. Я же буду молиться вместе с тобой – дабы ты избежала соблазна заснуть. А если впредь кто-то из слуг осмелится меня обмануть, то я тут же выгоню его.

Девушки отлично усвоили урок, да и Джанет кое-чему научилась. Она больше никому не давала поблажек. Баловали лишь чернокожего Мамуда.

Мавр действительно оказался ценным приобретением. По-итальянски он говорил лучше день ото дня и часами забавлял Адама, рассказывая сказки и истории своей родины. Кроме того, он показывал, как выслеживать и ловить мелких животных, и даже обучал мальчика арабскому языку. На эти уроки являлась и Джанет, потому что ей нравилось изучать языки. Ученицей же она была весьма способной.

И еще Мамуд превосходно владел ремеслом моряка, поэтому как-то раз, солнечным днем в начале февраля, Джанет – ей было трудно заснуть во время обязательной в здешних краях сиесты – послала за ним, чтобы прокатиться на лодке по морю. Проходя мимо спальни Адама, она заглянула к нему, чтобы полюбоваться на сладко спавшего брата. Поцеловав его рыжую макушку, она вышла, затем остановила слугу на ступеньках террасы и произнесла:

– Скажи бабушке, что я хочу прокатиться по морю с Мамудом. Вернусь к закату.

Слуга кивнул, а девушка спустилась на пляж, где уже дожидался Мамуд, готовый столкнуть маленькую лодочку в набегающие волны прибоя.

Дул ласковый ветерок, и море цвета чистейшей лазури с танцующими пиками белоснежной пены сверкало на ярком солнце. Джанет заметила, что в уголке лодки стояла корзинка с белым хлебом, желтой головкой сыра, фруктами и флягой вина. Она похвалила мавра за предусмотрительность, и в ответ парень сверкнул улыбкой, казавшейся на его черном лице ослепительной.

Они приплыли в любимую бухточку Джанет, и она подала Мамуду знак, чтобы спустил парус. Лодочка уткнулась носом в песок, и девушка, схватив корзинку, вышла на берег.

– Желаете поплавать, миледи? – спросил мавр.

– А ты, Мамуд?

– Да, госпожа. Я люблю море.

Джанет указала на полоску уединенного пляжа неподалеку.

– Тогда ступай туда.

– Но госпожа, я должен стеречь вас. Вдруг вы утонете?

– Я хорошо плаваю, и тебе нечего бояться, мой добрый Мамуд! Иди же.

Слуга с неохотой покинул ее, и она поспешно сбросила одежду – простую крестьянскую юбку и корсаж. Прохладная морская вода покалывала кожу, когда Джанет медленно поплыла, отдаваясь на волю ласкового морского течения, уносившего ее вдаль. Через некоторое время, развернувшись, она поплыла к берегу и вскоре бросилась на теплый песок. Распустила волосы, выжала из них воду и снова заплела в косу. Кожа уже успела обсохнуть, и Джанет надела юбку и корсаж.

Неподалеку Мамуд плескался в волнах, точно дельфин. Когда он вышел на пляж, девушка велела ему сесть, затем подняла крышку корзинки и выложила нехитрую снедь на салфетку.

Послеполуденное солнце приятно согревало, а вино было сладким и вкусным. Попивая его, Джанет разглядывала сидевшего чуть в сторонке чернокожего парня. Обычно она бывала очень общительна и любопытна; к этому моменту ей бы давно уже полагалось выведать у Мамуда его историю вплоть до прадедушек и прабабушек, да только недавнее возвышение – как-никак будущая герцогиня Сан-Лоренцо! – занимало все ее время. Теперь Мамуд гораздо больше времени проводил с Адамом, и брат-то наверняка знал о нем все.

И тут Джанет вдруг поняла, что больше не может сдерживать любопытство.

– Мамуд, – начала она, – я хотела бы узнать о твоей прошлой жизни. Ты родился рабом?

– Нет, госпожа. В своей стране я был сыном вождя. Но однажды на нашу деревню напали мусульмане-работорговцы. Меня взяли в плен, когда я спасал свою жену и сына. Они теперь в безопасности, и это единственное, что меня утешает.

– У тебя была жена? Тогда ты не можешь быть евнухом.

– Работорговец сказал так господину Рудольфо, чтобы он меня купил.

– О-о... понятно... – протянула девушка.

А раб рассмеялся и сказал:

– Миледи нечего опасаться. По меркам моего племени вы на редкость безобразны.

Секунду-другую Джанет в изумлении таращилась на мавра. Потом рассмеялась и проговорила:

– Пусть это будет нашей тайной, Мамуд. И поверь, я найду способ вернуть тебе свободу!

– Спасибо, госпожа. Ради свободы я готов на все!

Через некоторое время, подхватив корзину, Мамуд помог своей юной хозяйке сесть в лодку и вывел суденышко в море. Затем поставил парус и повернул руль, чтобы поймать ветер. Солнце уже вступило на предзакатный путь, готовясь кануть в волны Средиземного моря. Держась поближе к берегу, Мамуд взял курс на Аркобалено. Обогнув небольшой мыс, они увидели в бухте корабль, который, очевидно, зашел сюда, чтобы набрать воды. Мамуд направил лодку прямо к кораблю.

– Что ты делаешь, Мамуд? У нас нет времени напрашиваться к ним в гости, – сказала девушка. – Кроме того... не похоже, что это торговое судно. Поворачивай лодку.

Но раб смотрел прямо перед собой, крепко вцепившись в румпель.

– Мамуд!.. Я приказываю тебе немедленно повернуть лодку. Солнце скоро зайдет. Мы должны добраться домой до темноты.

– Госпожа, вы не вернетесь домой. Я же вам сказал, что готов на все – лишь бы снова стать свободным. Я отдам вас работоторговцу, и его золото поможет мне купить свободу.

Джанет тотчас же набросилась на мавра, точно кошка и попыталась выхватить руль. Она боролась отчаянно, но Мамуд, который был гораздо сильнее, опрокинул ее на дно лодки. Упав на спину, девушка ударилась головой о борт. Увы, удар оказался слишком силен, и бедняжка провалилась в темноту. И где-то в этой темноте послышался глухой стук, а потом ее подхватили чьи-то руки. Некоторое время Джанет словно плыла в пустоте... После чего снова возникло ощущение чужих рук...

Приходя в сознание, Джанет почувствовала качку. И так, она находилась на борту корабля. Неподалеку раздавались голоса, и девушка, приоткрыв глаза, осмотрелась. Она лежала на диване в довольно просторной каюте. Рядом с ней находилось небольшое оконце, за которым плескалось море. И в некотором отдалении виднелся берег Сан-Лоренцо. Судя по всему, корабль все еще стоял на якоре.

Чуть повернув голову, Джанет увидела Мамуда и еще одного мужчину – он был белый, но одет в точности как ее раб. Мужчина и Мамуд о чем-то беседовали, и Джанет, напряженно прислушиваясь, старалась не пропустить ни слова.

– Как ты объяснишь исчезновение девушки ее отцу? – спросил белый мужчина.

– Скажу, что на нас напали пираты. Я храбро сражался, чтобы спасти госпожу, но силы были неравны, и меня бросили в море. Придется твоим людям надавать мне тумачков, чтобы я казался избитым. Я выплыву на берег и добреду до дворца. А лодку надо перевернуть...

– План-то у тебя хороший, – но что это тебе даст, кроме денег, которые я заплачу тебе за девчонку?

– Граф – человек очень чувствительный, и он не захочет, чтобы я оставался возле него, напоминая о дочери. В общем-то, он противник рабства и, скорее всего, решит, что лучше меня освободить, чем видеть как напоминание о своей драгоценной доченьке. Я уверен, что граф так и поступит. Он дарует мне вольную грамоту, а ты заплатишь мне. С этими деньгами я сумею благополучно вернуться на родину.

Решив, что услышала достаточно, Джанет вскочила с дивана и метнулась к двери. Она была уже у самого борта – хотела броситься в море, – когда чьи-то сильные руки крепко обхватили ее поперек туловища и потащили обратно в каюту (оказалось, что это был предатель-мавр).

– Негодяй, свинья! – закричала Джанет, впиваясь ногтями в лицо Мамуда.

– Ты продал мне тигрицу, Мамуд! – расхохотался капитан-работоторговец, грубо хватая девушку. – Уймись, миледи. Никто не причинит вам вреда.

Джанет обернулась к капитану.

– Какой выкуп вы хотели бы получить? Мой отец заплатит столько, сколько скажете! Да знаете ли вы, кто я такая? Наверное, этот лживый раб вас обманул! Поверьте, я вовсе не смаз-

ливая простолюдинка, а леди Джанет Мэри Лесли, дочь лорда Патрика Лесли, графа Гленкира. Мой отец – посол его католического величества Якова Шотландского при дворе Сан-Лоренцо! И я помолвлена с Рудольфо, наследником герцога Себастьяна!

– Миледи, ваш титул и связи производят впечатление. Однако выкупа не будет. Вас отвезут на Крит, где продадут с аукциона тому, кто заплатит самую большую цену. Никакой выкуп не сравнится с тем, сколько за вас дадут там, на торгах!

Джанет, повернувшись к Мамуду, воскликнула:

– Как ты мог?!

– Мне искренне жаль, госпожа, но я ведь сказал вам, что пойду на все – лишь бы снова стать свободным. Я – подарок вашего жениха. Как вы сможете освободить меня, не оскорбив его? Тут требуется настоящее чудо, а я не верю в чудеса.

– Надеюсь, мой отец узнает о том, что ты сделал, Мамуд! И тогда пощады не жди...

Мавр ухмыльнулся, и тут Джанет, бросившись вперед, с силой ударила его в лицо, так что кольцо – подарок Адама – до крови раскололо кожу у него под глазом. Капитан тотчас кликнул слугу, и тот, ворвавшись в каюту, заломил Джанет руки за спину. Она хотела закричать, но не успела – капитан бросил что-то в бокал с водой и насильно влил питье в рот девушке. Милосердное забытие не заставило себя ждать.

Первое, что она отметила, придя в себя, – это мерное покачивание корабля из стороны в сторону. Некоторое время Джанет лежала неподвижно – словно убаюканная ложным ощущением безопасности. Потом, вспомнив о произошедшем, девушка поднялась с дивана и стала изучать свою тюрьму.

Просторная каюта была убрана на восточный манер – толстый ковер на полу и огромный диван, заваленный подушками. Кроме того, тут имелся круглый столик с инкрустацией, а с потолка свисали несколько медных ламп.

Выглянув в окошко, Джанет увидела лунный свет, проливавшийся с небес прямо в воды темного ночного моря. Вернувшись в глубину каюты, девушка обнаружила на столике вино и бокал. И в тот же миг она поняла, что умирает от жажды. Плеснув себе щедрую порцию, Джанет залпом осушила бокал. Огненная жидкость разлилась по телу, и ей сразу стало тепло. Скрежет засова заставил ее поспешно обернуться. Когда же дверь открылась, Джанет с силой запустила бокалом в человека, стоявшего в дверном проеме.

– Ваша решительность производит не меньшее впечатление, чем ваша несравненная красота, юная леди! А теперь, если соблаговолите поумерить пыл, мы сможем побеседовать. Капитан Джанкарло Венутти к вашим услугам, ми-леди.

– Вы разбойник и негодяй, капитан Венутти! – закричала девушка. – Если вы действительно желаете оказать мне услугу, немедленно верните меня в Сан-Лоренцо! Я лично гарантирую вам неприкосновенность и щедрое вознаграждение.

Но капитан Венутти, казалось, не слышал ее.

– Леди Джанет, – проговорил он, – я плаваю под защитой Венеции, а сейчас мы направляемся в Кандию, что на острове Крит. Там вас продадут с аукциона за самую высокую цену, и весьма существенная часть вырученных за вас денег поступит в казну Венеции.

– Но герцог Сан-Лоренцо заплатит огромный выкуп, если вы вернете меня в целости и сохранности!

– Мы, работоторговцы, – деловые люди, а не похитители, – продолжал капитан. – И поэтому... Моя дражайшая леди, неужели вы сами не понимаете, насколько вы красивы? Всех денег Сан-Лоренцо не хватит, чтобы купить вам свободу. Вы достойны сокровищ королевской казны – и хватит об этом. Прошу вас, не истощайте понапрасну силы, пытаясь сбежать. Мы надежно стережем вас, поверьте. Надеюсь, вам будет здесь удобно. Если пожелаете чего-нибудь – просто попросите раба, который будет дежурить у двери.

С этими словами капитан вышел, заперев за собой дверь.

Шесть дней корабль скользил по спокойным водам Средиземного моря. Капитан Венутти предоставил Джанет некоторую свободу, разрешив ей выходить на верхнюю палубу, чтобы размять ноги и подышать свежим воздухом. Отвлекая девушку от мыслей о ее горестном положении, он рассказывал ей об островах, мимо которых лежал их путь. Рассказывал о плодороднейшем Корфу – втором по величине из островов Ионического моря. Рассказал и о горе Аэнос – самой высокой точке гористой Кефалонии. Проплывали они и мимо крошечного островка Занте, обитатели которого умудрялись не только разводить овец и коз, но еще и выращивали виноград, оливки, пшеницу и разнообразные фрукты. И, разумеется, возник у них на пути и Пелопоннес, ныне находившийся под властью турок. Здесь, кроме винограда и оливок, производили также табак, и тут же процветало производство шелка. Кроме того, тут базировалась целая рыболовецкая флотилия.

А вечером шестого дня корабль достиг Кандии. Приятное путешествие подошло к концу, и Джанет пришлось взглянуть в лицо страшной действительности.

– Возможно, мне никогда больше не удастся увидеть своих родных, – прошептала она со вздохом.

Глава 5

Узнав об исчезновении дочери, лорд Патрик Лесли обезумел от горя и ярости. Просчитался раб Мамуд, который явился из того мира, где женщины ценились меньше, чем скот! Благородный шотландский лорд и не подумал вознаградить раба за то, что тот якобы сражался как лев, пытаясь спасти свою юную госпожу. И он не одарил его золотом и не даровал свободу – напротив, заковал в цепи и бросил в подвал замка, намереваясь подробно расследовать обстоятельства похищения. В одном оказался прав Мамуд – Патрик Лесли убрал-таки его подальше с глаз!

Палачи герцога Себастьяна допросили Мамуда со всей тщательностью и величайшим старанием. Первым делом они обнаружили, что никакой он не евнух – каковое упущение, впрочем, быстро исправили.

Потом его пытали, и кое-кто внимательно наблюдал за пытками, не принимая в них участия. Мэри Маккэй неподвижно стояла в своем неизменном черном шелковом одеянии и накрахмаленном чепце, крепко сжимая пальцами концы клетчатой шали, которую накинула на плечи, дабы уберечься от промозглой сырости подземелья. Старуха не сводила с лица Мамуда своих пронзительных голубых глаз. Раба всегда до смерти страшили светлые до прозрачности глаза старой шотландки; ему казалось, что они видели то, что не полагалось видеть глазам смертного. Более того, казалось, что она все знала и лишь дожидалась его собственного признания...

С помощью раскаленных докрасна щипцов палачи начали вырывать ногти на ногах Мамуда. Тот дико вопил, вознося мольбы своим языческим богам, а мучительная боль разрывала ему ноги, поднимаясь все выше. По телу же его градом катился пот. В какой-то момент он закрыл глаза, пытаясь отрешиться от боли. Когда же открыл их, то обнаружил, что старуха стоит возле него. Она впилась взглядом в его глаза, и он почувствовал, как уходит то последнее, что еще связывало его с жизнью.

– Что ты сделал с моей внучкой? – спросила старуха. – У кого она?

Но Мамуд не собирался отвечать. Ему хотелось лишь проклинать старую ведьму. Но и этого он сделать не мог – внушавшие ужас голубые глаза обладали такой колдовской силой, что парализовали его волю.

– У кого теперь моя внучка? – допытывалась она.

– У капитана Венутти, – услышал Мамуд собственный хриплый голос будто со стороны. – У капитана Джанкарло Венутти, из Левантийской Венеции.

Тут старуха дотронулась до его груди, и по его телу прокатилась дрожь агонии.

– А теперь прощай, парень, – сказала она, когда он испустил дух.

Признание Мамуда получило подтверждение, когда некий капитан, чей корабль следовал с Крита и зашел в Сан-Лоренцо за водой, болтал в таверне о юной рыжеволосой христианской девушке, которую через месяц предполагали продать с аукциона. Представ перед герцогом и шотландским послом, капитан повторил рассказ мавра слово в слово.

– Слух пустили по всему Средиземноморью, – говорил капитан. – Это, знаете ли, известный трюк – чтобы привлечь на аукцион побольше покупателей. Да-да, владельцем девушки-рабыни является капитан Венутти из Левантийской Венеции. И она – трофей, добытый им в результате пиратского набега. И еще говорят, что она исключительно красива. Чертов Венутти! Вечно ему достается лучший кусок!

Патрик Лесли скрежетал зубами в бессильной ярости. Чтобы спасти дочь, он бы снарядил боевой корабль и разрушил бы Кандию до основания, но хозяином тут был герцог Себастьян. Для него, рожденного на берегах Средиземного моря, подобное было не в новинку, и он лучше

знал, что делать в подобных случаях. Герцог обещал послать на аукцион своего кузена Пьетро ди Сан-Лоренцо, чтобы тот выкупил девушку.

«Если девицу спасут, – рассуждал про себя герцог, – я окажусь в большой милости у шотландского короля. А если нет – никто не посмеет меня упрекнуть, и неприятная ситуация, которая наверняка осложнит отношения между моим герцогством и Шотландией, вскоре будет забыта», Да-да, возможно, его хитрый кузен сумеет вернуть девицу домой. Однако герцог очень сомневался в успехе, хотя и не говорил об этом шотландскому послу. Но в любом случае о браке юной леди Джанет с наследником герцогского трона теперь и речи быть не могло. Одному Богу ведомо, что могло случиться с девушкой за время плена. Конечно, он, герцог, – человек широких взглядов, однако честь герцогини Сан-Лоренцо не должна вызывать подозрений. Из Тулузы как раз пришло письмо, намекавшее на возможность брака с тамошней принцессой. А сам он втайне расспросил своего архиепископа – мол, нельзя ли аннулировать помолвку сына с юной шотландкой? Разумеется, мысли эти герцог Себастьян держал при себе.

Повернувшись к Патрику Лесли, он проговорил:

– Идемте, друг мой. Даст Бог – все закончится хорошо.

Граф Гленкирк, словно прочитав мысли коварного герцога, бросил на него взгляд, исполненный безмолвной ярости, но ничего не сказал.

Глава 6

Несколько недель спустя Джанет сидела в алькове в дальней комнате при аукционе. Сидела очень тихо и почти неподвижно, – но вовсе не потому, что внезапно сделалась послушной, а из-за того, что еще не оправилась от удара; ее юное сердце не могло принять предательство Мамуда, а смахивавший на бегство морской переход из Сан-Лоренцо в Кандию привел девушку в состояние оцепенения.

Однако никаким наказаниям ее не подвергали, – напротив, прилагались всяческие усилия ради ее доброго здоровья и удобства. Капитан Венутти перевез Джанет с корабля в дом Абдула бен Абдула, поставщика самого лучшего товара в мире – так отрекомендовался сам Абдула. Почти месяц ее холили и лелеяли, а тем временем по Средиземноморью пошла молва о девственнице с золотисто-рыжими волосами, которая будет выставлена на продажу с аукциона в следующее полнолуние.

А пока что Джанет тщательно оберегали от солнечных лучей, а также омывали ее тело благоуханными водами и натирали соком лимона, чтобы вернуть коже природную белизну. Кроме того, ее ежедневно массировали и натирали благовонными мазями, так что кожа ее сделалась на ощупь мягкой, точно шелк. После таких процедур былой загар мало-помалу исчезал, уступая место естественной белизне уроженки Севера.

Когда же наступил вечер, рабыни переодели девушку в странный наряд. Прозрачная ткань бледно-золотистого тона, закрывавшая все ее тело от ключиц до пят, ниспадала изящными складками. Ткань была перехвачена на талии зеленой лентой и крепилась к плечам лентами такого же цвета. Волосы же, собранные в «хвост», заколотые жемчужной пряжкой и пущенные вдоль спины, скрыли под длинной золотистой вуалью. Вторая вуаль закрывала также ее лицо, так что на виду оставались лишь подведенные сурьмой ярко-зеленые с золотистыми крапинками глаза.

Впрочем, Джанет держалась храбро. Надежду ей дал визит Пьетро ди Сан-Лоренцо, двоюродного брата герцога Себастьяна, который был послан, чтобы купить ей свободу. Он прибыл на быстроходном корабле из Аркобалено и, подкупив главного евнуха в доме Абдула бен Абдула, получил дозволение поговорить с нею несколько минут. Пьетро привез с собой немалый груз золота, которого, по его заверениям, наверняка хватит, чтобы вернуть Джанет свободу. Сожалел Пьетро лишь о том, что столь высокородная дама будет выставлена на аукционный помост на всеобщее обозрение. Но тут уж ничего не поделаешь!

Однако на душе у Пьетро ди Сан-Лоренцо было беспокойно. Молва о прекрасной Джанет Лесли распространялась очень быстро! С Востока уже прибыли несколько очень важных покупателей. Говорили даже, будто ожидался приезд Хаджи-бея, посланника самого турецкого султана! Впрочем, Пьетро решил, что Абдула выдавал желаемое за действительное в надежде получить возможно больший куш. И все-таки он истово молился о спасении будущей невестки. Ведь в случае удачи его, Пьетро, ждала немалая награда! А если он упустит девушку... О, тогда на его страну обрушится гнев и лорда Патрика Лесли, и самого короля Шотландии.

Джанет вздрогнула и подняла голову – чернокожий евнух дотронулся до ее руки.

– Идем, юная леди. Торг вот-вот начнется. Я немного отодвину полог, чтобы ты собственными глазами увидела, какие знатные господа прибыли сюда, привлеченные твоей красотой!

Молча кивнув, Джанет проследовала за евнухом, затем бросила взгляд в щель между занавесями и увидела небольшой зал, в центре которого возвышался помост. А стены там были покрыты фресками с изображением животных, мужчин и женщин, занятых какими-то делами – но смотреть на них было неинтересно. Кроме того, в комнате находились двенадцать мужчин, среди которых был и Пьетро ди Сан-Лоренцо.

– Почему купцов так мало? – спросила она евнуха.

Евнух ослабился и проговорил:

– Мой хозяин Абдула бен Абдула – да хранит Аллах его дни – выставил за тебя начальную цену в пять тысяч золотых. Ты не по карману простому погонщику верблюдов!

Джанет фыркнула, и ей почему-то захотелось рассмеяться. Но тут в комнату заглянул Абдула бен Абдула, и евнух быстро вывел девушку в зал и помог ей подняться на помост. Взгляды всех присутствовавших тотчас устремились на возвышение, где стояла Джанет Лесли. И ей сделалось очень не по себе...

Взяв девушку под локоть, Абдула бен Абдула вывел ее на самую середину помоста и тихо сказал:

– Язык торгов – французский. Так что ты, наверное, все поймешь.

– Вы зря теряете время, пытаетесь унижить меня, – заявила Джанет. – Меня купит Пьетро ди Сан-Лоренцо, и я вернусь к отцу.

– Упаси Аллах, – ответил работорговец и, повернувшись к собравшимся, громко проговорил: – Друзья, мы начинаем самый знаменательный торг этого года! Перед вами знатная девица – девственница с волосами как золотое солнце на рассвете, с кожей белой и гладкой, точно полированная кость, и с глазами цвета изумрудов. Смотрите же, господа! – Он проворно снял вуаль с головы Джанет. – Начальная цена – пять тысяч золотых. Кто предложит свою цену?

– Пять тысяч, – раздался чей-то голос.

Абдула бен Абдула улыбнулся, а тот же голос пояснил:

– Посланник египетского султана готов дать пять тысяч!

И тут предложения посыпались одно за другим – шесть тысяч, семь, восемь, девять, десять тысяч золотых!

– Господа!... – воскликнул Абдула бен Абдула. – Господа, вы наносите оскорбление моему дому, предлагая жалкие десять тысяч золотых! Ведь перед вами – редкая и бесценная жемчужина, гурия, способная украсить гарем самого пророка! Эта девица никогда не знала мужчины. – Его вялая рука мягко скользнула по животу Джанет, и девушка отшатнулась и вздрогнула от отвращения. – Она выносит множество крепких сыновей!

– И у тебя есть доказательство ее девственности?! – выкрикнул кто-то.

– Конечно, – сказал Абдула. – Покупатель получит свидетельство, подписанное тремя медиками. Если выяснится, что они мне солгали, я верну покупателю уплаченные за нее деньги – верну в тройном размере! И, разумеется, девушка останется у него.

По залу пробежал одобрительный гул, и все закивали. Абдула бен Абдула пользовался славой честного купца, но все знали, что он – не из тех, кто легко расстанется хотя бы с одним динаром. Поэтому торг возобновился.

Собравшись с духом, Джанет, наконец, осмелилась взглянуть в лица тех, кто желал ее купить. Посланник египетского султана ответил ей ледяным взглядом, и она поспешила отвести глаза. В этом человеке было нечто настолько зловещее, что к ее горлу подступила тошнота. Зато посланник багдадского калифа показался ей похожим на встревоженную черную сову, и она едва не рассмеялась. Но девушка вздрогнула и похолодела, стоило взглянуть на человека, которого напыщенный евнух, ее провожатый, назвал «принцем Самарканда». Жестокие монгольские глаза жадно разглядывали ее, и его откровенное сладострастие наводило ужас. Джанет тут же перевела взгляд на доброе лицо Пьетро ди Сан-Лоренцо, и тот кивнул ей, чтобы приободрить. Но Пьетро еще не называл своей цены...

Тут по знаку Абдулы евнух развязал ленты на ее плечах, и туника спала, обнажив девушку до пояса. В зале воцарилось молчание – все с жадностью разглядывали прекрасные груди девушки с розовыми бутонами сосков.

Абдул же, наследник мудрости своих семитских предков, позволил собравшимся целую минуту любоваться девичьими прелестями. Затем произнес:

– Новая цена за этот изысканный, но нераскрытый бутон составляет пятнадцать тысяч. Кто даст больше?

И снова последовали предложения – шестнадцать тысяч, семнадцать, семнадцать тысяч пятьсот!

Тут Абдула вновь подал знак евнуху, и тот потянул за ленту на талии Джанет. С тихим шелестом туника сползла к ногам девушки, и собравшиеся в зале разом ахнули – девушка стояла перед ними совершенно нагая.

В этот ужасный миг Джанет показалось, что она вот-вот лишится чувств. Но девушка тут же сказала себе: «Истинная Лесли никогда не выражает страха, не забывай об этом». И она замерла в неподвижности – точно ледяная статуя.

– Восемнадцать тысяч! – раздался чей-то голос.

– Восемнадцать тысяч девятьсот! – прозвучал другой.

В следующее мгновение работороговец протянул руку и ловко расстегнул жемчужную пряжку, державшую волосы Джанет. Волосы волнами упали на плечи девушки, а Абдула в тот же миг сдернул и вуаль с ее лица.

– Клянусь грудями Фатимы... – пробормотал кто-то из мужчин. – Ее лицо столь же прекрасно, как и тело.

– Калиф Багдада дает двадцать тысяч золотых! – раздался громкий голос.

«О-о, пресвятая Дева Мария, – мысленно воскликнула Джанет. – Во всей Шотландии не наберется столько золота! Куда уж тут крохотному герцогству Сан-Лоренцо... Я погибла!»

– А герцог Сан-Лоренцо дает двадцать пять тысяч золотых, дабы освободить возлюбленную нареченную своего сына! – прокричал Пьетро.

Джанет тихонько прошептала:

– Прости меня, добрая Дева Мария! В благодарность за мое освобождение я подарю тебе чудесную серебряную статую, украшенную разноцветной эмалью, с глазами из настоящих сапфиров!

– Двадцать пять тысяч? – усмехнулся искуситель Абдула. – Кто предложит больше? – Он обвел взглядом собравшихся в зале. Но все молчали, и Джанет с облегчением вздохнула.

Тут Абдула поднял свой молоточек, собираясь закрыть торги, но внезапно раздался голос:

– Султан Турции дает тридцать тысяч золотых монет.

И в тот же миг к помосту направился высокий худощавый изысканно одетый господин в зеленом тюбане.

– Я Хаджи-бей, главный над черными евнухами султана, – заявил он, бросив счастливому Абдуле увесистый мешочек. – Сосчитайте, если хотите.

Джанет взглянула на него из-под ресниц. Ростом он был так высок, что по сравнению с ним все остальные в зале казались карликами. И она могла бы поклясться, что он был смешанной крови, то есть не совсем мавр. За время пребывания в герцогстве Джанет повидала немало чернокожих, но у этого человека кожа была ни черной, ни коричневой, скорее – смуглой, сочного золотистого оттенка. Глаза же казались бархатисто-черными, а черные и ровные полоски бровей протянулись к самым вискам. Губы у него были пухлые и чувственные, и он, поджарый и стройный, ничем не напоминал евнухов с их вялостью и нависающими над животом грудями – эта особенность оскопленных мужчин казалась Джанет просто непристойной.

Одет же он был не только дорого, но и со вкусом. На нем был кунтуш цвета весенней зелени и с длинными рукавами, без застежки, но отороченный от горла до подола, а также на локтях и на запястьях темным собольим мехом. Развевавшиеся при ходьбе полы открывали взгляду подкладку из золотистой ткани. А под кунтушом было одеяние из затканной цветами красной парчи, подпоясанное широким золотым кушаком, расшитым крошечными жемчужинами и изумрудами – там было целое состояние. Тюбан был украшен неограниченным выпук-

лым изумрудом и пером белой цапли. На ногах красовались сапожки без каблука из мягчайшей темно-коричневой кожи. Длинные изящные пальцы Хаджи-бея были унизаны перстнями, а с шеи свисал массивный золотой медальон с выгравированной на нем львиной мордой.

Пьетро ди Сан-Лоренцо вспрыгнул на помост и прокричал:

– Я протестую! – Он взглянул на Абдулу. – Ты ведь уже поднял молоток, чтобы скрепить сделку! Девушка принадлежит мне!

– Но мой молоток не стукнул, – возразил устроитель торгов. – А если желаешь оспорить сделку, то я снова открою торг.

Хаджи-бей любезно улыбнулся и проговорил:

– Да, господин. Если желаешь поднять ставку, ты волен это сделать.

Тогда Пьетро обратился ко всем остальным:

– По закону вашей религии этот аукцион проведен незаконно! Девушка является невестой наследника герцога Сан-Лоренцо. Контракт был официально подписан и скреплен в прошлом декабре в соборе Аркобалено. Ваша религия запрещает продавать жену человека, если он жив. После подписания контракта она – все равно что его жена. Ее выкрали из дома и привезли сюда силой!

– Наши законы не распространяются на неверных – точно так же, как и ваши, христианские, не касаются нас, – возразил Хаджи-бей. – Предложи цену большую, нежели моя, или позволь мне удалиться вместе с моим приобретением.

Тут Пьетро снова обратился к залу:

– Он купил ее для старика, который годится ей в деды! У вас у всех есть при себе золотые! Отдайте их мне, а я потом возьму их вдвойне! Позвольте вернуть девушку моему двоюродному брату!

Но зал ответил ледяным молчанием. Слова Пьетро о правителе Турции были правдой, однако никто из купцов не осмелился бы бросить вызов посланнику султана!

– Пересчитай золотые, – приказал Хаджи-бей работоторговцу.

– Нет-нет, уважаемый ага! – воскликнул Абдула бен Абдула, взвешивая на ладони мешочек. – Я уверен, что в этом нет нужды.

Хаджи-бей повернулся к испуганной дрожащей Джанет. Сняв с себя кунтуш, он набросил его на плечи девушки и проговорил:

– Идем, дитя мое.

– Мы приедем в Турцию, миледи! Мы выкупим вас! – закричал Пьетро ди Сан-Лоренцо.

Хаджи-бей обратился к нему смуглое лицо.

– Не обманывай девушку и не внушай напрасной надежды. Никому нет ходу из сераля моего повелителя! Скажи ей правду, чтобы она смогла вступить в новую жизнь честно и без страха.

Пьетро с грустью поглядел на Джанет, и у нее защемило сердце от сочувствия к нему.

– Не горюйте, милорд, – сказала девушка, – и пообещайте, что отправитесь к моему отцу и расскажете обо всем, что случилось. Меня предал раб Мамуд. – Она почувствовала, что ее взяли за плечо. – И еще, милорд, передайте ему, что в один прекрасный день я вернусь в Гленкирк. Обещайте же!

Пьетро молча кивнул и, глядя на девушку, спускавшуюся с помоста, почувствовал, как по щекам его заструились слезы.

Глава 7

Джанет усадили в один из двух паланкинов, ожидавших у дома – во второй сел Хаджи-бей. А затем носильщики быстро пронесли их через весь город и остановились перед большим и красивым домом. Рабы тотчас помогли Джанет выбраться из паланкина и провели ее через огромный крытый двор в маленькую нарядно обставленную и ярко освещенную комнату. Хлопнув в ладоши, Хаджи-бей отдал прибежавшей рабыне приказание на каком-то незнакомом Джанет языке. Затем, повернувшись к девушке, сказал:

– Я велел невольнице принести более подобающую тебе одежду. А пока что я прошу тебя снять кунтуш.

Джанет молчала, и Хаджи-бей повторил:

– Кунтуш, дитя мое. Сними кунтуш. В доме купца Абдулы освещение – хуже некуда, и я не мог рассмотреть тебя как следует.

– Зачем тогда купил меня?

– Твои лицо и волосы уже доказывали, что ты стоишь таких денег. Кунтуш, живо! – приказал он, протягивая руку.

С трудом отдавая себе отчет в происходящем, Джанет повела плечами, и одеяние упало к ее ногам. Теперь девушка стояла перед Хаджи-беем совершенно обнаженная, а тот разглядывал ее с пристрастием.

Джанет была слишком юной и неопытной, чтобы понимать, насколько она красива. За последний год она успела сильно прибавить в росте и для своего возраста казалась высокой, хотя на самом деле была среднего роста. Ноги же у нее были длинные и стройные, а узенькая талия плавно переходила в округлые бедра. И еще – эти высокие налитые груди!

Кроме того, Хаджи-бей с удовольствием отметил, что золотисто-зеленые глаза девушки не припухли от слез – значит, она не рыдала и, следовательно, обладала сильным характером.

– Повернись, прошу тебя, – сказал он.

Она повиновалась и повернулась с необычайной грацией, так что евнух снова остался весьма доволен. Хаджи-бей мог радоваться собственной мудрости – он уплатил неприлично большую сумму, но деньги были потрачены не зря!

Тут вернулась рабыня, которая помогла Джанет надеть зеленые с желтым широкие штаны и корсаж в тон, а сверху – шелковый кафтан цвета янтаря. Затем рабыня бесшумно выскользнула из комнаты.

– А теперь, дитя мое, – продолжал Хаджи-бей, – настало время представить тебя двум твоим товаркам.

Взяв Джанет за руку, евнух вывел девушку из комнатки и провел в просторный зал с террасой и с видом на море. Едва переступив порог, Джанет увидела двух молоденьких девушек примерно одного с ней возраста. Одна была маленькой немного полноватой блондинкой, и ее волосы отливали серебром. Другая же была высокой и смуглой, с овальным личиком и яркими миндалевидными угольно-черными глазами. При появлении Хаджи-бея они встали. Подозвав жестом блондинку, он повернулся к Джанет и сказал:

– Вот это – Фирузи. Ее зовут так, потому что у нее глаза цвета бирюзы, а на нашем языке – «фирузи». Она родом с Кавказа.

Фирузи улыбнулась и воскликнула:

– Как мило, что ты пришла к нам! Теперь мы составим прекрасное трио. – Девушка говорила бегло по-французски с небольшим акцентом.

– А это, – продолжал Хаджи-бей, – Зулейка.

– Я никогда не видела таких, как она, – прошептала Джанет.

– Разумеется, не видела. Я из Китая. – Вторая девушка также говорила по-французски, но понять ее было куда труднее, чем Фирузи.

– Ты из Китая, который описывал Марко Поло?

– Да, – кивнула девушка.

– Хаджи-бей, а как зовут нашу новенькую? – спросила Фирузи.

– Ее будут звать Сира.

– Мое имя – Джанет Мэри Лесли! – воинственно заявила Джанет, вспомнив о своем благородном происхождении.

– Вряд ли это имя годится для одалиски из гарема турецкого султана, – с улыбкой заметил Хаджи-бей. – На моем древнем языке Сира означает «пламя». Очень подходящее для тебя имя! А теперь, дети мои, я вас оставляю, чтобы вы смогли лучше познакомиться. Кроме того, вам надлежит отдыхать и набираться сил. Когда же начнется ночной прилив, мы отплываем в Константинополь. – Едва заметно кивнув, он развернулся и вышел.

А Джанет по-прежнему стояла у порога – стояла, устремив взгляд туда, где луна серебрила своим светом бухту Кандии. Бухта была забита кораблями, и казалось, их крошечные огоньки дружески подмигивали девушке сквозь ночной мрак. Среди этих кораблей был и корабль из Сан-Лоренцо, который прислал за ней Руди...

– Входи же, – сказала Фирузи. – Осматривайся и привыкай.

Джанет попыталась выйти в сад, но путь ей преградили двое черных слуг в тюрбанах; и каждый из них держал в руке кривую саблю-ятаган. Девушка тяжело вздохнула и повернула обратно.

– Отсюда не сбежишь, Сира, – сказала Фирузи. – Чем скорее ты примешь этот факт, тем быстрее станешь счастливой.

И тут Джанет не выдержала и разрыдалась.

– Почему ты плачешь? – спросила Фирузи.

– В бухте стоит корабль, готовый забрать меня домой – к отцу, к младшему брату и к моему жениху. Мне только нужно добраться до этого корабля!

– Это невозможно, – заявила Фирузи. – И тебе еще повезло! Вот мои родные, включая мужа – все они мертвы, убиты татарами.

– Ты была замужем?

Фирузи кивнула и, хлопнув в ладоши, велела прибежавшей рабыне принести что-нибудь поесть. После чего, повернувшись к Джанет, проговорила:

– Сира, я расскажу тебе мою историю. – Прекрасные глаза светловолосой девушки заволокло дымкой воспоминаний, и она начала свой рассказ.

В день своей свадьбы она проснулась незадолго до рассвета и тихо выскользнула из постели. Толкнула деревянные ставни окна и увидела, как над зазеленевшими совсем недавно лугами поднимается невесомая дымка тумана. День ее свадьбы обещал быть теплым и солнечным.

«День моей свадьбы! – мысленно воскликнула она. – Моей свадьбы! И все из-за того, что брат спас жизнь младшему сыну нашего врага. Теперь мне предстоит сочетаться браком с его старшим сыном, и тогда наша деревня вечно будет жить в мире. Я даже не знаю, как выглядит этот Петр и что он за человек – добрый ли? Когда я спрашиваю папу, он лишь тихонько посмеивается».

Она отвернулась от окна, когда занавеску, отделявшую ее крошечную спальню от главной комнаты, кто-то отдернул, и к ней ворвались родные – смеявшиеся и распевавшие веселые песни. Отец, огромный точно медведь, маленькая полная мама и сестры – старшая Катя с мужем и младшенькая Таня. Были здесь и братья – Павел, Борис и Иван, а также тети, дяди и кузены, все – с охапками весенних цветов в руках.

– Итак, невесте не спится! – пророкотал бас отца.

– И грядущей ночью ей тоже не суждено уснуть! – засмеялся Павел.

– Помолчите, – строго сказала мать, глаза которой, однако же, искрились смехом. – Оставьте цветы – и вон отсюда! Вы все! Катя и Таня, а вы останьтесь.

Тут родственники ушли, она осталась – с мокрыми от поцелуев щеками и с цветами в руках.

– Теперь, Мария, – сказала Соня Ростова, – тебе надо первым делом позавтракать. – Мать поставила на столик тарелку и чашку, которые принесла с собой. – Вот, ешь... Булочки с маком, варенье и чай.

Катя с удивлением вскинула брови. Ее-то предсвадебный завтрак состоял из черного хлеба, меда и козьего молока. Разумеется, мама стала бы отрицать, что у нее есть любимчики, однако все знали, что Марию она всегда любила больше, чем остальных дочерей. Поглядите, к примеру, на ее свадебное платье! Когда зимой к ним в дом явился старый коробейник, в его мешке обнаружился отрез шелка – шелк был белый, точно сливки, и мама решила, что непременно сошьет для Марии платье именно из него! И еще – золотая нить для вышивки и турецкие туфельки без задников, расшитые золотом и речным жемчугом... А папа ворчал – мол, его дочь выходит отнюдь не за турецкого султана, а за простого крестьянина с Кавказских гор. Однако коробейник ушел, а у мамы остались и шелк, и золотые нитки, и туфельки, – а покупки эти стоили им двух отличных коз.

Катя криво улыбнулась, наблюдая, как сестра уплетала мягкие сдобные булочки. Ее-то свадебное платье было из шерстяной материи, а у сестры – из шелка! Однако шелк очень подходил к белой нежной коже Марии и ее светлым, будто серебро, волосам и бирюзовым глазам. Материнский шлепок вернул Катю к действительности.

– Не спи! Поставь на огонь воду, чтобы Мария могла выкупаться! А ты, Таня, возьми у сестры тарелку да вымой ее.

Утро пролетело быстро. Приближался полдень. Вся деревня высыпала на улицу, принарядившись к свадьбе дочери деревенского старосты. На лугу возле церкви расставили столы для пира. Внезапно на околице деревни появился паренек с криком:

– Они едут, едут! – закричал он.

Мария подскочила к окну и выглянула. Во главе процессии, на белой лошадке, ехал высокий юноша. Он весело смеялся, его темные глаза сияли, а мальчишки, бежавшие рядом с его лошадкой, громко кричали:

– Жених едет! Дорогу жениху!

Мария почувствовала руку матери на своем плече.

– Вон твой супруг, дочка!

– Он такой красивый... – прошептала девушка.

– Ха! – усмехнулась мать. – Его красота – приятное дополнение. Она ничего бы не стоила, будь он негодяем, но он, напротив, очень добрый человек! Неужели ты думаешь, что мы с папой отдали бы тебя кому попало?

Жители обеих деревень одобрительными возгласами встретили Марию Ростову, когда родители повели ее в церковь. На ней были расшитая золотыми узорами белая шелковая юбка и блузка, а под юбкой – несколько нижних юбок из тонкой белой шерсти. Голову же – точно корона – украшал венок из белых и желтых цветов.

– Что за красotka! – воскликнул Петр Туманов, обращаясь к отцу. – Ты не позволил мне ее увидеть, и я уже представлял себе страшилище с лошадиным лицом. И если нрав моей невесты под стать ее красоте, то я буду счастливейшим из людей!

– Значит, ты будешь счастлив, – ответил отец. – А если бы я позволил тебе увидеть ее до свадьбы – не сохранить бы ей невинности! А ведь этот брак должен положить конец старой вражде, а не развязать новую...

Жених с невестой встретились у алтаря, и отец Григорий Ростов, дядя Марии, скрепил их брак. Мария со смущением взглянула на своего мужа, который, уважая чистоту и невинность юной жены, нежно поцеловал ее и сказал:

– Рад познакомиться, госпожа Туманова. Позвольте заметить, что я вас люблю.

Мария густо покраснела, но глаза ее сияли.

– И я люблю вас, дорогой супруг, – ответила она.

Чтобы устроить для дочери свадебный пир, Николай Ростов пошел на огромные расходы! На вертела были насажены целые туши коз и ягнят, которые жарились в пламени многочисленных костров. Вино текло рекой, а столы ломились от фруктов, караваев и пирогов. Еще не наступил вечер, а все уже изрядно опьянели; и невинные поначалу шутки в адрес новобрачных сменились шутками весьма непристойными.

А потом вдруг раздался крик:

– Пожар, пожар!

Деревня горела вовсю, и Мария в ужасе смотрела, как на пирующих налетели татары, и их оскаленные зубы ярко сверкали на смуглых лицах. А ведь и Ростовы, и Тумановы прибыли на свадьбу совершенно безоружными.

Отовсюду раздавались крики и вопли. Люди пытались спастись бегством. Мария схватила за руки младших братьев, Бориса и Ивана, а также младшую сестренку Таню.

– Быстрее! Спрячемся в лесу! – крикнула она.

Двенадцатилетний Борис начал вырываться из рук сестры.

– Я хочу с ними сражаться! – воскликнул мальчик.

Мария что было силы ударила его по лицу и прошипела:

– Папа, Павел и Григорий уже убиты. Теперь ты – глава нашей семьи! Отведи Таню и Ивана в безопасное место! Ради Бога, Борис, беги скорее!

Мальчик кивнул и, взяв за руки сестру и брата, потащил их к лесу. Не прошло и минуты – хотя минута эта показалась Марии вечностью – как дети скрылись в лесу. Тут раздался душераздирающий крик, и Мария, обернувшись, увидела, что Катя извивается на окровавленной траве – у нее начались преждевременные роды. А рядом стояли те трое, что только что изнасиловали ее; негодяи громкими криками подбадривали своих соплеменников, набросившихся на их мать.

Тут Мария почувствовала на своей талии мужскую руку и, обернувшись, увидела Петра:

– Быстро в лес, – сказал он. – Прячься, пока они не схватили и тебя!

Свадебный наряд Петра был разорван и весь в грязи; а на щеке у него разливался фиолетовый кровоподтек. В руке же он сжимал окровавленный вертел.

– Я тебя не оставляю. Бежим со мной, Петр! – крикнула Мария.

Муж отрицательно покачал головой, и она заявила:

– Тогда я умру вместе с тобой, супруг мой!

– Голубка моя, тебя они не убьют. Это татарские работоторговцы. Беги, прежде чем...

Слова замерли у него на губах, и он повалился на траву. А за спиной Петра стоял огромный татарин, вынимавший из его тела окровавленное копье.

– Петр, Петр!.. – в отчаянии закричала Мария. Она упала на колени и попыталась поднять мужа. Но он был мертв.

Мария украдкой протянула руку, чтобы взять вертел. Сжав оружие, она вскочила на ноги и бросилась в бой, ранив удивленного татарина – он такого не ожидал. Впрочем, негодяй тут же обезоружил девушку.

– Убийца! – закричала она.

Схватив Марию, он впился в ее губы отвратительным слюнявым ртом, а затем ударом ноги повалил на землю, задирая ей юбки. Оседлав ее, татарин начал возиться с завязками

своих штанов, другой рукой сжимая горло девушки. А она боролась отчаянно, чувствуя, что задыхается.

Внезапно послышался крик:

– Ешукай, остановись!

Пальцы на ее горле разжались, и теперь Мария жадно хватала ртом воздух. Огромного татарина тут же оттащили в сторону, а ее рывком подняли на ноги. И Мария увидела перед собой высокого татарского воина, сидевшего на коне.

– Ешукай, ты болван! – закричал татарин. – Разве не видишь, что эта девушка принесет нам целое состояние? Раскрой глаза! Это же невеста!

– Но Бату, почему мне нельзя ее взять?

Предводитель отряда спешил.

– Ты девственница? – спросил он у Марии.

Она не ответила, и предводитель, схватив ее за волосы, заглянул ей в лицо.

– Ты девственница?

– Да, – отозвалась девушка.

– И не развлекалась в горах до свадьбы?

– Сегодня мы с женихом встретились впервые.

– Принесите огня, – приказал предводитель. Ему подали факел, и он, приблизив его к лицу Марии, воскликнул: – Да это же настоящая красавица! – Обернувшись к своим соплеменникам, он рявкнул: – Эй вы, слушайте меня! Я убью каждого, кто посмеет хотя бы глянуть в ее сторону. В Дамаске мы вырчим за нее целое состояние! Ах, какая красotka! Да еще и девственница! Забирайте детей и женщин, бездельники, и запирайте их где-нибудь до утра. А на рассвете мы уходим.

Церковь была единственным строением, уцелевшим в деревне. Туда и загнали уцелевших, в том числе и Марию. Сначала, впрочем, забрали всех маленьких мальчиков.

– А зачем им мальчики? – спросила Мария у своей тети.

– Самых красивых оскоят, а потом продадут. Их обучат, чтобы сделать из них евнухов, – прошептала женщина онемевшими губами.

Вскоре почти все мальчики вернулись – напуганные, но невредимые. Не хватало только троих, и их матери стонали и рвали на себе волосы, слыша страшные детские крики за стенами церкви... Несколько минут спустя в церковь вошли трое татар – они притащили бесчувственных мальчиков; и женщинам надлежало теперь выхаживать изувеченных сыновей.

А на рассвете они отправились в Дамаск; татары ехали верхом, пленников же гнали в пешем строю. А один из оскoпленных мальчиков умер ночью.

От пережитого ужаса Мария, казалось, лишилась и разума, и чувств. Ни с кем не разговаривая, она все шла и шла, глядя лишь себе под ноги. Рядом с Марией шла ее тетя, испепелявшая взглядом каждого татарина, оказывавшегося поблизости от них. Во время привалов она приносила племяннице еду, к которой та почти не притрагивалась, и согревала своим телом по ночам.

По мере того, как пышнотелая Мария превращалась в худышку, Бату злился все сильнее. Ведь если девушка умрет – он не получит денег! Забрав у какого-то крестьянина осла, разбойник велел ей ехать верхом, чтобы беречь силы. Тщетно выбирал он самые лакомые угощения – свежие спелые персики, хрустящих зажаренных голубей, вино и свежеевыпеченный хлеб – ничто не могло соблазнить пленницу. В конце концов он пригрозил убить ее тетку, если Мария не начнет есть. Тогда она стала принимать пищу, но ее молодое тело все равно оставалось худым и словно иссохшим. Чудесные волосы свалились, а яркие глаза погасли.

Когда же они прибыли в Дамаск, Мария впервые после пленения проявила хоть какие-то эмоции – она рыдала, когда ее разлучили с тетей, которую вместе с остальными погнали на невольничий базар, один из многих в этом городе.

А Марию Бату отвел в баню, где девушку по его приказу отмыли, затем помассировали, умастили ароматными мазями и заплели волосы в косы. После чего переодели в новую одежду и отправили к работорговцу, который промышлял на закрытых торгах. Но ни баня, ни новая одежда не могли скрыть ее жалкого состояния.

– Нет, – отрезал продавец живого товара. – Девственница она или нет – я не стану ее покупать.

– Послушай, – настаивал Бату, – видел бы ты ее, когда она только попала к нам в плен! Красивая, пышная, а волосы – как серебро! А уж глаза!.. Где еще ты увидишь такие глаза? Бирюза, да и только!

– Бату, друг мой, – терпеливо втолковывал ему работорговец, – может быть, раньше она и была такой, как ты рассказываешь, но сейчас – нет. Просто мешок костей! Она тает, потому что сердце ее разбито. Уж я-то повидал таких! Она не протянет и месяца. Я не стану позорить себя и обижать моих уважаемых покупателей, предлагая столь жалкий товар. Веди ее на городской базар вместе с остальными – может, и выручишь за нее несколько динаров.

Скрипнув зубами, татарин покинул дом купца и потащил Марию на городской базар. Она оказалась там как раз вовремя и увидела, как ее тетю купил богатый добродушный на вид крестьянин, которому понадобилась женщина в доме, чтобы ухаживала за выводком оставшихся без матери детей. Мария даже улыбнулась про себя. Она хорошо знала свою родственницу, поэтому почти не сомневалась: и года не пройдет, как бедняге придется жениться на ее тетушке.

Мало-помалу Бату распродал всех пленников, и оставалась только Мария. Распорядитель аукциона лез из кожи вон, но печальная, обессилевшая девушка никому не приглянулась. Бату в гневе уже собирался ее побить, но тут из толпы раздался повелительный голос:

– Стой!

Обернувшись, все увидели высокого, изысканно одетого господина, направлявшегося к помосту.

– Что ты хочешь за девушку? – спросил он.

Бату же словно онемел от изумления.

– Ну, мой татарский друг, ты, разумеется, назначил за нее цену? – осведомился высокий господин.

– Сотня золотых динаров, – не очень-то уверенно ответил татарин.

В толпе засмеялись, однако высокий господин начал извлекать золотые из своего весьма пухлого кошелька.

– Я дам тебе сто пятьдесят золотых, потому что знаю настоящую цену этой девушке. – Он высыпал монеты в ладони изумленного татарина, а затем вскочил на помост. Взяв ледяную ручку Марии в свою теплую ладонь, он улыбнулся и проговорил: – Дитя, меня зовут Хаджи-бей. Доверься мне, и я помогу тебе начать жить заново.

– Мои родные убиты. Зачем мне жить? – пробормотала девушка.

– Знаю, моя маленькая Фирузи. Боль твоя огромна, но будущее может быть блистательным, если ты сама этого захочешь. А теперь идем. Мы поедем в мой дом, и там я расскажу тебе кое-что...

Он помог Марии спуститься с помоста, усадил ее в большой паланкин, сел рядом и приказал носильщикам отправляться. Когда девушка оказалась в доме Хаджи-бея, он велел подать ей успокоительное питье, затем приступил к осторожным расспросам. Сначала она не хотела отвечать, но снадобье, которое Хаджи-бей велел подмешать в питье, вскоре возымело действие. Мария расслабилась и начала свое горестное повествование.

Сочувственно выслушав девушку, Хаджи-бей кивнул и проговорил:

– Да, дитя, история твоя весьма трагична. Но все то, что ты поведала мне, уже много раз случилось с другими. Итак, беда случилось, и тут уж ничего не поделаешь. – Он пристально

взглянул ей в глаза и вновь заговорил: – Ты очень устала, маленькая Фирузи. И ты слишком много страдала. Теперь тебе нужно поспать, а когда проснешься, твоя боль начнет утихать. Ты вернешься к жизни. Нет, ты не забудешь о том, что произошло, но ты не будешь больше страдать.

Отяжелевшие веки девушки опустились, но она все же сумела ответить:

– Только если я буду отмщена! Бату и его разбойники убили мою семью! А тот, кого зовут Ешукай, – он убил моего жениха!

– Будет сделано, Фирузи.

– Как ты меня назвал? – спросила девушка, уже засыпая.

– Фирузи. Это означает «бирюза», и таков цвет твоих глаз. А теперь спи, дитя мое.

В следующее мгновение Мария погрузилась в сон.

– И я чувствовала себя прекрасно, когда проснулась! Вот так, дорогая Сира, я и очутилась здесь, – закончила рассказ Фирузи.

– А что случилось с Бату и его людьми? – спросила шотландка. – Неужели Хаджи-бей действительно приказал убить их?

– О да! Когда мы услышали о тебе и покинули Дамаск, чтобы плыть на Крит, я увидела их гниющие головы, насаженные на пики у главных ворот города – мы как раз проезжали мимо. Но я во время пути ни разу не заговаривала об этом. Помалкивал и Хаджи-бей.

– Так вы обо мне слышали? – удивилась Джанет.

– О, да, конечно. Все от Дамаска до Александрии слышали о знатной девственнице с рыжими волосами, которую продает Абдула бен Абдула! А какую цену заплатил за тебя Хаджи-бей!.. Мы с Зулейкой вдвоем не стоили и десятой доли тех денег, что заплатили за тебя.

– Я вряд ли могу почитать это за честь.

– А следовало бы, – с упреком в голосе заметила Зулейка.

– Не обращай на нее внимания! – рассмеялась Фирузи. – Она принцесса Пурпурный Нефрит, дочь императора Китая, но за нее торговались только погонщики верблюдов да грязные варвары-скотоводы. Жить бы ей в неволе в дырявом шатре, если бы ее не увидел Хаджи-бей. За те недели, что мы с ней прожили вместе, я узнала, что для китайцев сохранить гордость – первое дело, и она все еще терзается, потому что не может забыть, как ее предали...

– Если ты не против, Фирузи, я сама расскажу ей свою историю. – Зулейка поднялась с дивана в углу и с размаху плюхнулась на подушки возле Фирузи и Сиры. В отличие от своей светловолосой подруги, плакавшей, вспоминая прошлое, Зулейка было тверда, и ее голос ни разу не дрогнул.

Ей никогда не забыть того дня, который решил ее судьбу. Была весна, и она сидела у мраморного бассейна в саду своей матери, наблюдая, как золотые рыбки с развевающимися хвостами гонялись за лепестками цветов, осыпающимися прямо на зеркальную водную гладь.

Внезапно послышался нежный голосок невольницы Мэй Цзе.

– Госпожа, ваша благородная матушка призывает вас к себе!

– Сейчас же приду, – ответила девушка.

– Нет-нет! – воскликнула рабыня. – Сначала вам нужно переодеться. С ней Он!

– Мой брат-император?

– Да, госпожа.

Принцесса быстро прошла в свою комнату и с помощью невольницы надела платье белого шелка, расшитое пурпурными цветками сливы. Мэй Цзе расчесала ее длинные блестящие черные волосы, заплела их в две косы и уложила на висках кольцами, скрепив замысловатую прическу жемчужными заколками.

Взмахом руки отослав прочь служанку, она некоторое время стояла перед зеркалом, внимательно рассматривая собственное отражение. Из зеркальной глубины на нее смотрела высокая стройная девушка – кожа цвета желтоватой слоновой кости, черные глаза безупречного миндалевидного разреза, прекрасное лицо с высокими скулами, изящный носик и такие же изящные губки. Принцесса отлично понимала, как она красива. Отвернувшись от зеркала, она неспешным, исполненным достоинства шагом направилась в покои матери.

– Принцесса Пурпурный Нефрит! – нараспев объявил евнух.

Она грациозно опустилась на колени, коснувшись лбом пола.

– Встань, моя юная сестра!

Она поднялась, старательно держа глаза долу, избегая пристального взгляда молодого императора.

– Я устроил твой брак, – объявил он.

Она взглянула на мать, чье лицо казалось совершенно бесстрастным, лишь глаза предреждали – молчи!

– Твоим супругом, – продолжал император, – станет шах Персии. Через три месяца ты покинешь дом и отправишься в его страну. С тобой поедут слуги и солдаты императорской охраны, как и приличествует принцессе династии Мин и дочери нашего покойного отца, достойнейшего Чэн Хуа. Когда ты достигнешь Персии, наши люди уйдут, передав тебя в руки охраны и слуг шаха. Ты можешь оставить при себе только свою невольницу Мэй Цзе.

– Благодарю, мой господин!

– Я сделал тебя владычицей Персии, сестра. Тебя, дочь наложницы!.. Неужели это все, что ты можешь сказать мне в благодарность?

– Ты тоже сын наложницы! К тому же – не столь благородной, как моя мать! – воскликнула девушка.

Хун Чи рассмеялся.

– Ты слишком горда, сестрица! Из тебя выйдет прекрасная супруга для шаха! Кроме того, ты будешь способствовать сближению Персии и Китая.

– Я благодарна за возможность служить моему господину и моей родине.

– Ха-ха, – фыркнул император. – Твой проницательный ум уже начинает понимать, как хорошо быть шахиней. Распуши свои павлиньи перышки, сестрица, и оставайся такой и дальше. Мне нравится твоя гордость. Не теряй ее никогда! А теперь, – обратился он к ее матери, – давайте пить чай.

Спустя три месяца роскошный караван принцессы Пурпурный Нефрит из династии Мин покинул Запретный Город в Пекине и направился на запад, к границам Персии. Стояла середина лета; и когда они проезжали через многочисленные китайские деревушки, крестьяне толпами собирались вдоль дороги, чтобы преподнести принцессе дыни, а также всевозможные овощи и фрукты нового урожая. Она принимала дары с величайшим достоинством, и люди, наперебой желавшие ей счастья, совершенно ее не интересовали.

Никаких чувств не испытывала она также и к своему суженому, персидскому шаху. Ни надежды, ни радостного предвкушения. Шах был значительно старше своей шестнадцатилетней невесты, но не имел жен. Зато у него имелась наложница по имени Шаннез, расставаться с которой он ни в коем случае не собирался. К несчастью, женщина оказалась бесплодной, а шах отчаянно желал обзавестись наследником. И еще он хотел отвести китайскую угрозу от своих границ. Потому и решил жениться на принцессе Пурпурный Нефрит.

Все это поведала ей мудрая мать, и она же советовала дочери непременно добиться любви и привязанности шаха, иначе не стать ей настоящей шахиней! Совершенно необязательно быть первой возлюбленной мужчины, главное – стать его последней любовью.

Императорский караван преодолел обширные пространства Китая и, переправившись на другую сторону варварских гор, подошел к границам Персии. Они двигались быстрее, чем

предполагалось, поэтому начальник императорской гвардии сказал, что теперь надо разбить большой лагерь, чтобы как следует отдохнуть. Принцесса же была очень рада такой возможности. Ей действительно хотелось отдохнуть и подготовиться к встрече с шахом.

Через три дня они заметили приближение персов, и служанки принцессы поспешили к своей госпоже, чтобы нарядить ее в шелковые платья императорского желтого цвета. Вскоре громовой топот копыт возвестил о прибытии персидского отряда в их лагерь. Стоя в дверях своего шатра, принцесса увидела, что рядом с предводителем отряда скакала женщина. Не требовалось большого ума, чтобы догадаться, кто она такая.

– Проклятая Шаннез... – сквозь зубы прошипела китайская принцесса. – Он привез с собой эту женщину! Мэй Цзе, беги и узнай, который из них шах.

Девушка-рабыня повиновалась и через несколько минут вернулась с сообщением: оказалось, что шах не приехал, но будет встречать невесту в столице своей страны.

Принцесса Пурпурный Нефрит рассердилась, но ее злость сменилась яростью, когда в шатер внезапно ворвалась Шаннез в сопровождении персидского воина – предводителя отряда.

– Уберите отсюда эту женщину! – завизжала китаянка.

Слуги принцессы бросились выполнять приказ, однако Шаннез остановила их движением руки.

– Вижу, ее императорское высочество, Дочь Неба, уже слышала обо мне! – Шаннез рассмеялась, затем повернулась к воину. – Клянусь Аллахом, она очень красива! А вот если бы она выглядела овца-овцой, как обычно бывает с девицами королевских кровей, то я могла бы ее пожалеть и даже сделалась бы ее подругой!

– Даже овца не захочет дружить с такой невоспитанной сукой, как ты! – в ярости закричала принцесса. – Как ты смеешь врываться ко мне без приглашения?! На колени, женщина! Я – твоя госпожа!

– Вы говорите на нашем языке?... – изумилась Шаннез.

– На колени!

Воин подтолкнул наложницу шаха, и та с ворчанием опустилась перед китаянкой на колени.

– Я прошу прощения у вашего императорского высочества, однако слишком уж велико было мое желание приветствовать вас в Персии, и я...

Царственным движением руки принцесса Пурпурный Нефрит заставила женщину замолчать.

– Для тебя я – «ваше величество», непочтительная рабыня! – заявила принцесса.

– Только после того, как вы сочетаетесь браком с моим господином, – отрезала Шаннез.

И тут принцесса отвесила ей пощечину и прокричала:

– Не кажется ли тебе, что шах может избавиться от рабыни, если она ему не угодит?! А я обещаю: он будет тобой весьма недоволен!

– Ваше величество, в своей необдуманной горячности я действовала слишком поспешно, проявив грубость и высокомерие, – пробормотала Шаннез. – Простите меня, моя госпожа, и позвольте стать вашей подругой! Я сумею быть вам полезной...

Принцесса Пурпурный Нефрит смягчилась, но слова женщины ее нисколько не обманули.

– Сомневаюсь, госпожа Шаннез, что мы сможем когда-нибудь подружиться. Но, возможно, мы хотя бы не станем врагами. А теперь оставьте меня. Я хочу отдохнуть.

Персиянка удалилась. Но потом, отойдя подальше от шатра, она тихо проговорила:

– Нельзя допустить, чтобы эта сука стала нашей повелительницей. Она слишком гордится своей страной и будет скорее предана Китаю, чем Персии. Она принесет шаху наследника, а потом обратит и его, и всю нашу страну в вассалов Китая! Хасан, ты должен мне помочь, – добавила Шаннез, пристально глядя на начальника шахской гвардии.

Хасана нисколько не тронула патриотическая речь наложницы, но все же он решил, что в словах женщины была толика правды.

– Госпожа Шаннез, вы ведь не можете ее убить... А если даже такое случится, то правда все равно дойдет до императорского двора в Китае. И тогда на наших руках будет кровь новой войны!

– Я не собираюсь ее убивать. Принцесса Пурпурный Нефрит выйдет за шаха, – только это будет ненастоящая принцесса. Никто из наших людей китайку не видел и не увидит, пока не настанет время уезжать. Завтра китайцы отправятся в обратный путь. Вы настаивайте на том, чтобы оставить тут наших лошадей еще на один день, а я одна останусь прислуживать принцессе. Наступит вечер, и я опою ее сонным зельем. Затем двое ваших слуг отвезут ее в Багдад, чтобы продать на невольничьем рынке. А принцессу заменит ее невольница Мэй Цзе.

– Но согласится ли невольница помогать нам?

– Конечно, если хочет жить долго и счастливо, – улыбнулась Шаннез. – И еще, Хасан, скажи своим людям, что я хочу, чтобы ее продали как девственницу. Они не должны ею пользоваться. Девственница стоит куда дороже. Чем больше за нее дадут, тем больше будет их доля. Пусть ее продадут на городском рынке для черни. Я сотру ее гордость в порошок!

– Но шах удивится, узнав, что у принцессы нет собственной рабыни-служанки. Ведь договор предусматривал, что она может оставить ее при себе... Что ж, скажу ему, что принцесса разгневалась на рабыню, которая проявила непочтительность, и сама продала ее, не желая тревожить шаха из-за таких пустяков.

На рассвете китайцы отбыли на родину, оставив принцессу Пурпурный Нефрит и Мэй Цзе на попечение персов. Шаннез настояла, чтобы они провели еще один день в тишине и покое, прежде чем пуститься в дальний путь. Уговаривая принцессу, наложница наигрывала ей на лютне приятные для слуха мелодии.

Наступила ночь, и любовница шаха предложила принцессе выпить чашу теплого козьего молока – сказала, что молоко поможет заснуть. К тому же, это любимое питье шаха. Принцесса Пурпурный Нефрит терпеть не могла козье молоко, но осушила чашу до дна... и тотчас же провалилась в глубокий сон. Уснула и Мэй Цзе, которой тоже позволили выпить молока.

Спустя несколько недель Хаджи-бей заглянул на невольничий рынок в Багдаде; впервые он уехал так далеко от дома в своих поисках, но уже испытывал разочарование. Посетив все известные невольничьи рынки в городе, он не нашел того, что искал. Конечно, там было много красивых девушек, – но искал-то он ту, что обладала сразу и красотой, и умом, и силой духа!

И вдруг краем глаза заметил на помосте девушку – обнаженную и грязную, присевшую на корточки и пытавшуюся прикрыть свою наготу длинными волосами. Хаджи-бей остановился, чтобы рассмотреть ее получше. В ответ на его пристальное внимание девушка бросила на него презрительный взгляд.

Хаджи-бей подал знак работоторговцу и указал на девушку.

– Вот эта... Сколько она стоит? – спросил он.

Работоторговец заставил девушку выпрямиться и проговорил:

– О, мой благородный господин, это редкий цветок из древней страны, что зовется Китай. – Схватив девушку за крепкую, грушевидной формы грудь, он воскликнул: – К тому же – девственница! Свежая и аппетитная!

– Хватит ее лапать, – буркнул Хаджи-бей. – Назови лучше цену. Сколько хочешь за нее?

– Пятьдесят золотых динаров. Я купил ее месяц назад у караванщиков и заплатил кругленькую сумму. Итак, пятьдесят золотых динаров, господин!

– Он купил меня три дня назад у двоих солдат, которые меня похитили, и дал им двадцать динаров, – сказала вдруг девушка.

Работоторговец бросил на нее злобный взгляд.

– Тридцать динаров, – сказал Хаджи-бей, отсчитывая монеты и бросая их в протянутые ладони работорговца.

Спрятав деньги в складках одежды, работорговец толкнул девушку к Хаджи-бею.

– Ступай к своему хозяину!

И тут девушка вдруг резко развернулась и вцепилась ногтями в лицо работорговца.

– Не смей больше меня трогать, грязный негодяй!

Хаджи-бей обнял ее за плечи и ласково проговорил:

– Успокойся, дочь моя. Твои испытания подошли к концу. – Повернувшись к работорговцу, он добавил: – Отдай мне ее одежду. Она достаточно унижена, не следует ей идти обнаженной через весь город.

Работорговец сунул руку в сундук, стоявший тут же, на помосте, и извлек оттуда какие-то лохмотья.

– Вор! – закричала принцесса Пурпурный Нефрит. – Где мое шелковое платье?!

Хаджи-бей решительно оттолкнул работорговца и, снова подняв крышку сундука, быстро отыскал в нем желтое шелковое платье с белой вышивкой. Девушка выхватила платье из его рук и быстро надела. Хаджи-бей повел ее прочь, спросив на ходу:

– Как тебя зовут, дитя мое?

– Я принцесса Пурпурный Нефрит из Китая.

– Я буду называть тебя Зулейкой.

Девушка подняла голову и вопросительно посмотрела на него.

– Зулейка, – пояснил он, – была знаменитой принцессой-воительницей.

– А потом, – завершила свой рассказ Зулейка, – мы вернулись в Дамаск забрать Фирузи и, услышав о тебе, поспешили на Крит.

Джанет в изумлении смотрела на своих товарок.

– Вы уверены, что отсюда нельзя сбежать? – спросила она.

– Никоим образом, – ответила Фирузи. – Но почему ты так хочешь сбежать? Куда ты пойдешь? Домой тебе нельзя. Никто не поверит, что ты все еще невинна. Люди на улицах будут показывать на тебя пальцами, и ни один уважающий себя отец не позволит своему сыну взять тебя в жены. Ты состаришься, так и не познав любви. Возможно, тебе дадут кров. И, возможно, ты будешь... Будешь, например, нянчить детей своего брата. Ни служанка, ни уважаемый член семьи! А в доме султана Баязета нас ожидает роскошная жизнь. Может быть, мы найдем там любовь. Может, у нас даже будут дети! Так ты по-прежнему хочешь сбежать?

Джанет со вздохом покачала головой.

– Нет, наверное... – пробормотала она. – Пожалуй, ты права. Путь домой для нас отрезан. Я слышала, что женщины в гареме султана плетут интриги одна против другой, чтобы не лишиться его благосклонности. Каждую из нас оторвали от родных, и все мы познали горе и несчастье. Вместе мы будем сильнее. Если уж нам суждено остаться в рабстве, – давайте, по крайней мере, заключим союз. Договоримся, что будем поддерживать друг друга – что бы ни случилось. И тогда в один прекрасный день мы будем управлять не только гаремом, но и самим султаном.

Зулейка и Фирузи улыбнулись.

– Сира, дорогая, ребенок, который все еще живет в тебе, на рассвете исчезнет, – сказала Фирузи.

– Да, наверное... – кивнула Джанет. – Нет больше принцессы Пурпурный Нефрит из Китая, Марии Ростовской с Кавказа и леди Джанет Лесли из Шотландии. Все были наивными девочками. Вместо них теперь появились три женщины из дома султана Баязета – Зулейка, Фирузи и Сира. Так вы согласны заключить договор?

– Да, – ответила Фирузи, накрывая рукой руку Джанет.

– И я согласна, – ответила Зулейка, также протягивая руку.

Рассвет уже забрезжил над островом Крит, когда три девушки, утешившись в обществе друг друга, переоделись ко сну и легли.

Бросив последний взгляд на бухту Кандии, Джанет горестно вздохнула, отыскав глазами корабль, который уже направлялся в открытое море. На его мачте развевался флаг с золотым ястребом – флаг Сан-Лоренцо. Отвернувшись от окна, она снова легла на свою кушетку и вскоре уснула. И почти в тот же миг в другом конце комнаты отошла небольшая панель в стене, и стоявший там Хаджи-бей, словно обращаясь к самому себе, тихо произнес:

– Я сделал правильный выбор. Да благословенно имя Аллаха. Теперь империя спасена.

Глава 8

Плавание от берегов Крита до Константинополя получилось весьма приятным. Сире, Зулейке и Фирузи было дозволено сидеть под навесом, который установили для них на палубе. Хаджи-бей велел им закутаться как следует и запретил ходить по кораблю, чтобы не разжигать страсти среди рабов-гребцов, многие из которых были родом из Европы.

Корабль проворно скользил по волнам мимо очаровательных островков Эгейского моря. Хаджи-бей показал девушкам несколько мест, отмеченных самой историей, и Сира нашла его рассказ куда более увлекательным и романтическим, нежели повествование капитана Венутти, который рассказывал в основном о еде и питье. Они видели остров Наксос, где Тезей оставил Ариадну, и Хиос, который считался родиной Гомера, а также Лесбос – дом знаменитой поэтессы Сафо.

Наконец корабль вошел в устье Дарданелл, древнего Геллеспонта. На берегах пролива, который был сорока миль в длину и от одной до четырех в ширину, стояли сторожевые башни Оттоманской империи – неотъемлемая часть обороны Константинополя. Башни служили для раннего предупреждения о врагах, которые осмелились бы напасть на столицу со стороны моря. Пройдя Дарданеллы, корабль вскоре вошел в воды Мраморного моря. Путешествие близилось к концу.

Вечером, накануне прибытия, Хаджи-бей позвал девушек в свою просторную каюту на корме корабля. Войдя, они заметили, что Хаджи-бей выставил возле дверей охрану – жестоких и безмолвных воинов. По его знаку девушки расположились на подушках, лежавших на полу возле круглого столика. Раб принес закуски и тут же вышел. После чего и сам Хаджи-бей уселся рядом со своими подопечными.

– А теперь, красавицы мои, я должен обсудить с вами дело величайшей важности. Как вы уже знаете, я – кызлар-ага, начальник над черными евнухами султана Баязета. Эта должность дает мне большую власть. И власть эту я хочу употребить на то, чтобы исправить одну ужасную ошибку, но для этого мне понадобится ваша помощь.

Много лет назад мой господин взял в старшие жены – кадин, как мы говорим, – девушку-черкешенку по имени Кесем. Через год она родила ему чудесного здорового сына, которого нарекли Мустафой. Но в то время, когда она была в тягости, султан обратил свое внимание на сторону и взял вторую кадин, сирийскую девушку по имени Бесма. Когда сыну Кесем исполнилось полтора года, Бесма также подарила ему сына, принца Ахмеда.

Через несколько месяцев после рождения сына Бесма пригласила двухлетнего наследника Мустафу к себе, чтобы он познакомился со своим младшим братом. Кесем очень встревожилась, но позволила сыну пойти к Бесме. Принц вернулся несколько часов спустя – очень довольный и с полными карманами засахаренных фруктов, которыми он угостил мать. Та взяла у него лакомство, чтобы его порадовать. Но очень скоро принца скрутила жестокая болезнь – как и госпожу Кесем, которая, впрочем, страдала гораздо меньше. Лекарь сказал, что это яд. На рассвете принц Мустафа умер, однако его мать выздоровела.

Рыдая, Кесем обвинила в злодеянии Бесму, однако султан, который тогда звался просто принцем Баязетом, не захотел осудить мать наследника империи. Сердце Кесем было разбито. Сколько ни старался Баязет приободрить ее и вернуть к жизни – все было напрасно. Бедняжка лишь чахла и лила слезы, и он, наконец, оставил ее в покое.

А теперь позвольте немного отклониться от главной линии моего повествования и объяснить вам, почему я так предан госпоже Кесем. Когда меня привезли в гарем, я был всего-навсего испуганным ребенком. Кесем, сама едва вышедшая из детского возраста, заботилась обо мне и отдала в обучение, чтобы я смог добиться успеха. Когда же она стала старшей женой султана, или баш-кадин, меня сделали главным евнухом. А когда родился принц Мустафа, сул-

тан назначил меня на должность кызлар-аги – вместо старого аги, который умер незадолго до того. Я очень любил госпожу Кесем, не мужской любовью, конечно, – ведь я не мужчина, – но как добрый и преданный друг. Я даже врачевал ее втайне, чтобы вернуть к жизни – лечил не столь тело, сколь душу. На это ушли долгие месяцы, ибо горе ее было огромно. А затем в один прекрасный день она тайно пришла ко мне и спросила: Хаджи-бей, если бы я родила султану еще одного сына, помог бы ты мне завоевать для него престол?

– Ты думаешь, султан снова захочет взять тебя на свое ложе? – удивился я.

– Он недавно сделал своей фавориткой мою сестру Рефет, а ведь мы с ней – близнецы, – отвечала Кесем. – Поэтому мне кажется, что он все еще хочет меня...

– И я согласился помочь Кесем. Впервые за долгие месяцы она предстала перед султаном во время приема, который он устроил своим женщинам.

В тот вечер Кесем была ослепительно прекрасна, и Баязет, снова поддавшись ее чарам, в ту же ночь послал за ней. Спустя девять месяцев она родила сына по имени Селим. – Хаджи-бей сделал паузу, чтобы угоститься шербетом. Подкрепившись, он продолжил свой рассказ.

Кесем была умна, и в те месяцы, пока она носила в чреве Селима и не могла посещать ложе своего господина, ее заменяла сестра Рефет. Бесма же пребывала в ярости, потому что султан, влюбленный в Кесем, был очарован также и Рефет. Кроме того, Бесма вообще впала в немилость, так как Сафие, третья кадин султана, подарила нашему господину сына через два года после рождения Ахмета, в то время как у самой Бесмы второй сын родился мертвым.

После рождения Селима были приняты меры предосторожности, чтобы принц мог благополучно достичь зрелости. Да и Кесем под предлогом того, что рождение Селима якобы несколько сказалось на ее рассудке, удалилась подальше от тревожностей султанского двора. Она вела простую жизнь и одевалась очень скромно, к чему приучила и Селима. Перед всеми – за исключением нескольких особо доверенных друзей – она играла роль... немного сумасшедшей, вследствие чего Баязет предоставил ей большую свободу.

Должен вам сообщить, что в моей стране все мальчики, наследники султана, в возрасте шести лет отнимаются у матерей, после чего им полагается иметь собственный двор. В таких условиях Кесем не могла обеспечить сыну безопасность, но под предлогом болезни ей удалось удерживать при себе Селима до тех пор, пока ему не исполнилось четырнадцать. В это время мой хозяин наконец-то сделался султаном, и Селима отправили в Магнесию, где ему предстояло учиться искусству управления страной. Но перед этим он прошел курс обучения у мудрейших ученых, которых собрали со всей империи.

В прошлом году моя госпожа занемогла, и лекари вынуждены были объявить султану, что она не выздоровеет. Перед смертью Кесем заставила Баязета пообещать, что он вернет Селима из Магнесии и отдаст ему в управление провинцию неподалеку от Константинополя. Она просила поселить его во Дворце Лунного Света – его некогда подарил ей султан. И султан, дабы показать, как он любит Селима, должен объявить об этом на двадцать пятый день рождения принца, что случится через четыре месяца.

Султан намерен отметить день рождения сына с большой пышностью. Согласно последней воле умирающей Кесем, принц Селим сможет выбрать себе в подарок шесть девушек из гарема отца. Перед смертью госпожа приказала мне отыскать трех особенных девушек – надежных и красотой, и умом, – которые помогут ему, оттеснив принца Ахмета, стать наследником султана.

На эту роль я и выбрал вас. Принц Селим – очень любезный и красивый молодой человек, отличающийся и обаянием, и большой ученостью. С ним вы могли бы жить счастливо. Когда-нибудь он станет султаном, и женщинам, его кадин, то есть матерям его сыновей, достанется и огромное богатство, и значительное влияние.

– А ведь вы рискуете жизнью, не так ли, Хаджи-бей? Что, если мы не согласимся на ваш план? Что, если предадим вас ради того, чтобы получить свободу? – спросила Сира.

– Я надеюсь на ваш ум, дорогие мои. Не думаю, что вы предпочтете смерть, а не власть и богатство. Если же вы решитесь меня выдать, вашей свободой станет смерть! Вас манит такая свобода? Тогда можете броситься в море с борта корабля – и дело будет сделано. Но умоляю, не мешайте моим планам! Сама судьба – или кисмет, как мы говорим, – послала мне вас. И сами решайте, как распорядиться выпавшей вам удачей. Мне кажется, вам достанет мудрости – и в таком случае я заранее знаю ваш ответ.

Но Сира продолжала расспрашивать:

– А как вы спрячете нас от султана? Ведь если он увидит нас и приблизит к себе, – принцу мы уже не пригодимся!

Евнух улыбнулся.

– Сераль – это отнюдь не царство порока и разнузданных утех, как думают многие. Жизнь в серале подчиняется строгим правилам, предписаниям и множеству обычаев. Там всему свое место! И у каждой женщины в доме султана своя роль. Есть просто служанки. Другие прислуживают или самому султану, или его женщинам, или в банях. Девушки, попадающие в гарем, также имеют разный статус. Большинство находятся на положении так называемых гедикли – и это весьма завидное положение. Далее следуют гёзде, то есть девушки, которым посчастливилось привлечь к себе внимание Баязета, но побывать в его постели еще не довелось. Есть икбал, то есть избранницы – они побывали в постели султана и сумели завоевать его любовь. И, наконец, кадин, подарившие султану сына или сыновей. У султана может быть только четыре кадин, причем самое высокое положение занимает мать наследника – баш-кадин. Султан всегда считал своей баш-кадин госпожу Кесем, хотя в данный момент наследником является сын Бесмы.

Главными же в гареме являются дочери султана и его мать, которая зовется валиде-султан. Мать нашего султана уже умерла, так что в данное время у нас нет валиде. Это самое высокое положение, которого может добиться османская женщина. Ее слово – закон во дворце и для всех женщин нашей огромной империи. Ее приказ может отменить только сам султан, да и то не всегда осмеливается.

У гёзде, икбал и кадин имеются собственные покои и многочисленные слуги, но гедикли живут в ода – это что-то вроде общей спальни, где распоряжается женщина почтенного возраста. Она обязана научить девушек нашим обычаям и раскрыть их личные таланты. Вас я поселю в скромной ода, находящейся под началом госпожи Рефет.

– Фаворитки султана?

– Нет, Фирузи, она больше не фаворитка. Она никогда не была кадин, поскольку имела несчастье подарить Баязету всего лишь дочек-близнецов. Они уже взрослые и вышли замуж за государственных сановников. Не пожелав удалиться во Дворец Бывших Жен, Рефет сделалась хозяйкой ода. Не очень завидная должность, поскольку после смерти Кесем Бесма сумела отчасти вернуть себе расположение султана. Однако там вы окажетесь в безопасности и сумеете избежать внимания султана, если будете слушаться меня и госпожу Рефет. Она добрая женщина и с самого начала знала о моем плане.

– Следующие четыре месяца вы посвятите учебе. За это время вам необходимо не только овладеть нашим языком, но и познакомиться с нашими обычаями. Вас обучат нашей музыке, танцам и, самое главное, тому, как доставить физическое наслаждение вашему господину. Будет нелегко, однако я считаю каждую из вас исключительно одаренной. Вы справитесь, я знаю. Итак... Ты поможешь мне, Сира?

Девушка утвердительно кивнула.

– А ты, Фирузи?

– Да, Хаджи-бей.

– Зулейка?...

– Да.

– Прекрасно! Однако я поставил перед вами весьма опасную задачу, и ключ к успеху – ваше молчание. Никаких разговоров ни с кем, даже между собою. На этом я настаиваю. В серале полно рабов, чья единственная обязанность – подслушивать и доносить обо всем, что происходит между женщинами. Полсловечка о моем плане – и вас сунут в мешок с камнями и бросят в море. А теперь идите к себе в каюту и отдохайте, потому что завтра к вечеру мы достигнем Константинополя. И помните: как только мы там окажемся, я для вас – кызлар-ага, а вовсе не доверенный друг. Но бояться нечего, дорогие мои дочери. Я не спущу с вас глаз и буду охранять.

Девушки вышли, а Хаджи-бей на несколько минут погрузился в задумчивость. Затем, подойдя к стоявшему в изголовье его постели сундуку, поднял крышку и вынул мешочек из черного бархата. В мешочке обнаружилась неглубокая чаша из цельного кристалла. Поставив чашу на стол, Хаджи-бей плеснул в нее чистой воды. Затем сел и начал всматриваться в неподвижную водную гладь. Несколько минут он рассматривал видения, одно за другим всплывавшие перед ним из воды, и на губах его блуждала улыбка.

– Все получится, – прошептал он. – Хвала Аллаху! Все будет именно так, как нужно.

В те минуты, когда Хаджи-бей созерцал воду в хрустальной чаше, корабль Пьетро ди Сан-Лоренцо наконец-то бросил якорь в Аркобалено (захваченные яростным штормом, они уже не надеялись увидеть землю).

Пьетро сразу же направился на розовую виллу, где дожидался новостей граф Гленкирк... И новость повергла графа в жестокое отчаяние.

– Неужели ничего нельзя было сделать? – спросил он.

– Милорд, я был уверен, что она уже в моих руках. Я побил ставку самого багдадского калифа, предложив больше на пять тысяч золотых. Абдула бен Абдула уже поднял свой молоточек, чтобы закрыть торги, но тут проклятый Хаджи-бей предложил тридцать тысяч. Я пытался опротестовать сделку. Даже стал упрашивать остальных покупателей одолжить мне денег. Но кто осмелился бы бросить вызов султану Османской империи? А наличные требовалось выложить тут же, на месте.

– Возможно, султан мог бы назначить за нее выкуп, – не сдавался граф.

– Нет, невозможно, милорд. Вашу дочь купил не простой евнух, а сам Хаджи-бей, кызлар-ага! Не считая самого султана Баязета, это самый могущественный человек в его дворце. Обычно сей важный господин редко покидает Константинополь. И не покупает девушек-невольниц самолично. Однако ходит слух, будто на сей раз он несколько месяцев провел в путешествиях. Говорят, купил в Багдаде также девушку-китайку, а в Дамаске – изумительно красивую блондинку. А затем поспешил на торги в Кандии. Похоже, ваша дочь и две другие девушки нужны ему для какой-то особой цели. Так что на выкуп нечего и надеяться.

Шесть недель спустя Патрик Лесли, его сын Адам и Мэри Маккэй вернулись в Шотландию. Когда король имел неосторожность предложить графу новый дипломатический пост, он взорвался.

– Я отдал вам три года жизни, Яков Стюарт, и на вашей службе потерял единственную дочь! – заявил лорд. – Больше вы от меня ничего не получите! Я возвращаюсь в Гленкирк, и вы меня больше не увидите!

А Рудольфо ди Сан-Лоренцо оплакивал свою потерю целых три месяца, а затем взял в жены принцессу Марию-Елену Тулузскую.

Часть II

Сира

1493–1494

Глава 9

Селим, третий сын султана Баязета, был высоким и стройным юношей. От матери он унаследовал светлую кожу и серые глаза, а его темные волосы слегка курчавились. Его гладко выбритое лицо обычно хранило серьезное выражение, а губы были довольно тонкие, но при этом необычайно чувственные.

Поскольку не предполагалось, что Селим унаследует отцовский престол, о нем с самого рождения почти никто не вспоминал, что вполне отвечало желанию его матери, которая, помня о смерти своего первенца, старалась держаться как можно дальше от султанского двора.

С дозволения султана Мехмеда, который приходился Селиму дедом, Кесем и ее сын жили в дальних покоях Эскисералия, в Тюльпанном дворце, находившемся вне пределов гарема. Однако их тайно и неусыпно охраняли воины кызлар-аги и доверенные немые евнухи. Прислуживали же им преданные невольники. Они почти не покидали своего жилища, и такая жизнь сказалась на характере мальчика. Он редко улыбался, никогда не предавался шумным играм и не смеялся громко. К трем годам ум Селима настолько созрел, что он вел себя и говорил совсем не так, как едва вышедший из помочей младенец, но как мальчик семи или даже восьми лет от роду. И он был весьма подозрителен по отношению к незнакомцам. Впрочем, в Тюльпанный дворец мало кто приходил.

Но ни мать, ни няньки не знали о том, что мальчик частенько ускользал из отведенных им покоев и тайком пробирался в отцовские конюшни или же в одиночестве играл в султанском саду. При этом он был достаточно осторожен и потому оставался незамеченным – никто его ни о чем не предупреждал, но инстинкт подсказывал мальчику, что от этого зависит его жизнь.

Однажды, когда ему было шесть, он забрался на дерево в саду и, невидимый среди ветвей, внезапно узнал, что у него есть два сводных брата. За свою короткую жизнь Селим ни разу не видел других мальчиков, и у него возник соблазн спуститься с дерева и присоединиться к их игре. Но тихий внутренний голос, который всегда был начеку, предостерег Селима от этой затеи, и он остался там, где сидел. Позже Селим узнал, кто были эти мальчики – узнал от своих сводных сестер-близняшек Лейлы и Айше, дочерей тети Рефет. А другие дети никогда не приходили играть в дом его матери.

Мальчик постарше оказался десятилетним принцем Ахмедом, наследником отца. Невысокого роста, не выше Селима, он был тучным и смуглым, с темными глазами и черными волосами. Его круглое лицо покрывали прыщи – зато какая злоба и надменность в манерах! И он мог избить любого из своей свиты, если бедняга хоть немного промедлил с исполнением его приказа. Поэтому Селим не жалел, что остался незамеченным на дереве.

Мальчик помладше был высок, с темно-русыми волнистыми волосами и большими голубыми глазами. Серьезный и рассудительный, он был исключительно вежлив с теми, кто ему прислуживал. Это был восьмилетний принц Коркут – истинный царственный отпрыск! Даже принц Ахмед был с ним любезен, когда они встречались – правда, подобные встречи происходили не так уж часто.

Больше года приходил Селим к своему дереву, чтобы наблюдать за братьями – те почти всегда держались по отдельности, и каждый играл только с мальчиками из своей свиты. «Но почему, – гадал Селим, – им позволено свободно играть в дедушкином саду, а мне нет?»

Однако он не мог заговорить об этом с матерью – ведь тогда бы она узнала о его тайных вылазках...

И вот однажды, сидя на своем дереве, Селим услышал, как его окликнули:

– Эй, почему ты вечно прячешься в ветвях дерева?

– Не хочу, чтобы меня видели, – ответил Селим.

– Почему?

– Так хочет моя мать.

– А кто твоя мать?

– Кесем-кадин.

– А... Значит, ты мой брат, Селим.

Мальчик глянул в просвет в листве, и улыбка озарила его лицо.

– А ты мой брат Коркут, сын Сафие-кадин, верно?

Стоявший под деревом мальчик рассмеялся.

– Ты прав, братец. И если ты не можешь спуститься – тогда я заберусь к тебе.

Так началась дружба двух принцев. Селим, поведав, наконец, о своих приключениях изумленной матери, получил от нее дозволение принимать Коркута в пределах Тюльпанного дворца.

К восторгу Кесем, принц Коркут прекрасно повлиял на Селима. Как и его отец, он был весьма учен и поощрял к прилежной учебе и младшего сводного брата, ученика весьма нерадивого. Для обучения принцев в Эски-сераль в строжайшей тайне привезли самых выдающихся ученых Османской империи. И Селим вскоре понял, что занятия доставляют ему большое удовольствие. В отличие от отца и Коркута, он не блистал талантами, но был необычайно прилежен.

Когда Селиму исполнилось двенадцать, умер его дед, султан Мехмед Завоеватель, и на трон, препоясавшись мечом пророка Аюба, вззошел его отец. Когда же Селиму исполнилось четырнадцать, султан Баязет отправил мальчика вместе с матерью в город Магнесию. Там Селим постигал искусство управления государством и от имени отца правил городом и всей провинцией.

Бесма, заклятый враг Кесем, попыталась было отговорить султана от того, чтобы наделить Селима подобными полномочиями. Она заявила, что младший сын Баязета – слабоумный, которому нельзя доверять управление Магнесией. Но правитель Османской империи решил, что его вторая супруга просто ревнует. Он не подозревал, что те немногие – по пальцам перечесть – встречи Бесмы с Селимом были обставлены Хаджи-беем таким образом, чтобы мальчик действительно показался ей совершенным тупицей. Это было частью плана хитроумного аги, добивавшегося того, чтобы сына Кесем сочли неопасным и сбросили со счетов.

В Магнесии же Селим был свободен и мог оставаться самим собой, поскольку Бесма была настолько убеждена в его слабоумии, что даже не стала засылать к нему согладатаев. В результате младший сын султана, когда-то робкий и нерешительный мальчик, превратился в сильного и уверенного в себе юношу. Ученые выучили его на славу, и правил он справедливо, строго соблюдая законы империи и мусульманской веры.

Хаджи-бей также был хорошим учителем. Медленно и осторожно готовил он почву для успеха своего дела. К тому же, Селиму сопутствовала удача. Счастливый случай помог ему завоевать преданность крымских татар, когда он спас жизнь одному из их вождей – тот в это время находился в Турции с визитом. Благодарный хан вернулся домой, вознося хвалы молодому турку, и в дар ему отправил два отряда татарских всадников, ставших его личной охраной.

Селим стал мужчиной, но, в отличие от большинства турецких принцев своего возраста, романтических связей он пока не заводил. Тем не менее Хаджи-бей и Кесем решили, что время пришло. Их не по годам серьезный воспитанник должен был узнать и эту сторону жизни. Сем-

надцатилетний Селим отлично сознавал всю серьезность своего положения и поэтому не удивился, когда мать и ага объяснили ему, что у него пока не должно быть детей.

– В такое время женщины и дети сделают тебя уязвимым – они станут мишенью для интриг коварной Бесмы... Когда же мы упрочим твоё положение при дворе султана и найдем правильных девушек, тогда, Селим – и только тогда! – у тебя могут быть сыновья, – говорил Хаджи-бей. – А пока, если захочешь женщину, тебе стоит только дать знать – и к твоим услугам будут самые красивые и опытные наложницы, разумеется – бесплодные, поэтому тебе нечего будет опасаться.

Принц подчинился, поскольку безоговорочно доверял и матери, и аге. Когда же до столицы дошли слухи о неумных аппетитах Селима, Бесма сначала ужаснулась, а потом принялась злорадствовать – время-то шло, но ни один ребенок не родился. Не догадываясь о том, что Селим берет на свое ложе исключительно бесплодных женщин, она успокаивала своего сына Ахмеда:

– У твоего братца семя – что морская вода. Новой жизни ему не породить!

Шли годы, и вскоре после того, как Селиму исполнилось двадцать четыре, Кесем тяжело занемогла. О ее болезни дали знать аге, который поспешил из Константинополя в Магнесию. Вид больной Кесем поразил Хаджи-бея. Не было сомнений в том, что она умирала, да и сама Кесем прекрасно это понимала.

– Я знаю, мой старый друг, мой конец близок... – пробормотала она.

Слезы брызнули из глаз аги. Взяв маленькую белую ручку умирающей, он пообещал ей, что позаботится о ее сыне.

– Мы и сейчас должны действовать, Хаджи-бей... – Он ощутил слабоежатие ее руки. – И не забудь про девушек... Хаджи-бей, девушки!.. Пусть Баязет позволит моему сыну выбрать себе девушек. Еще ни один османский султан не удостоивал сына такой чести! Это понравится людям и обеспечит моему сыну безопасность в будущем. Бесма не осмелится нанести удар, если Селим займет столь высокое положение!

– Да будет так, как вы пожелаете, моя дражайшая госпожа. Я вас не подведу.

– Особенные девушки – ты уже их выбрал? Они должны быть готовы.

– Госпожа, я еще не нашел таких. Я должен отправиться на их поиски сам.

Кесем встревожилась:

– Тогда пойдут расспросы. Ты – ага, и не твоё дело покупать рабынь.

– Да, я кызлар-ага, и по этой причине никто не осмелится мне перечить. Могут думать всякое – тут уж ничего не поделаешь – но никто, кроме султана, не станет меня допрашивать. Да и султан не станет, поскольку доверяет мне как никому другому.

– Нужно рассказать обо всем Селиму, – проговорила Кесем.

– Я сделаю это сам, госпожа. Принц должен понимать, насколько рискованное наше предприятие. Иногда он бывает безрассуден, однако отныне от него потребуются предельная осторожность и осмотрительность.

Послали за принцем, и он тепло приветствовал агу, своего старого друга и наставника. Когда слуги принесли дымящиеся чашки с кофе и удалились, ага заговорил, а Селим внимательно слушал. Ага раскрыл ему план, который они с Кесем задумали еще до появления принца на свет.

Ахмед ни в коем случае не должен был унаследовать трон отца. Малообразованный, избалованный и развращенный, он, к несчастью, находился под влиянием матери. Такой султан, чего доброго, вызовет в стране смуту.

А что до принца Коркута, то он, конечно, человек достойный, но скорее уж ученый-затворник, нежели будущий султан. Коркут не интересовался ни военным искусством, ни женщинами. К счастью, принц Коркут уже уведомил агу, что не желает быть султаном, однако многозначительно добавил, что готов поддержать «правильного человека».

– Итак, – продолжал Хаджи-бей, – все готово...

Первая часть их с Кесем плана состояла в том, что юный Селим, живя в затворничестве и безопасности, должен был получить превосходное образование, а затем – пост губернатора Магнесии, то есть той же самой провинции, которой в юности управлял его отец. А потом Селим должен был отправиться губернатором в ближайшую к Константинополю провинцию Крыма. И этого они уже добились – благодаря любви султана к Кесем. Незадолго до своего двадцать пятого дня рождения Селиму надлежало отбыть из Магнесии в столицу, чтобы предстать перед отцом, а на следующий день он должен был отправиться к новому месту назначения.

Однако Бесма, заклятая соперница Кесем, никогда не оставляла попыток очернить младшего сына Баязета в надежде посадить на престол собственного отпрыска. Она не осмеливалась сравнивать моральные качества обоих принцев, поскольку распутное поведение Ахмеда уже сделалось притчей во языцех; Бесма же, которая собиралась править империей через своего сына, поощряла его в этом, надеясь, что тогда сможет держать сына в узде.

В науке управления Ахмеда также не стоило сравнивать с младшим братом, поскольку провинция Магнесия под умелым правлением Селима процветала и приносила казне немалый доход, в то время как владения Ахмеда на востоке, у самых границ с Персией, были постоянным источником всевозможных бед и смуты. И все же Бесма была уверена, что султан в конце концов объявит своим наследником Ахмеда.

Что же касается Кесем и Хаджи-бея, то до сих пор они были вполне довольны ситуацией – ведь Селим мог наслаждаться неслыханной свободой и при этом постоянно находился вдали от столицы. Однако теперь султану следовало узнать, каким достойным человеком стал его младший сын. И для этого нужно было переместить предполагаемого наследника поближе к столице. Да еще и окружить принца стайкой юных красавиц, выбранных в отцовском гареме. Расчет был на то, что подобный жест султана произведет впечатление на всех – все увидят, как Баязет относится к младшему сыну!

А потом, когда появятся на свет сыновья, положение Селима еще больше упрочится – к тому же Хаджи-бей был уверен, что предпочтение, которое Ахмед отдавал юношам – а вовсе не девушкам! – сводило на нет его шансы стать отцом сыновей. И вообще, какие тут могли быть сомнения?! Как только султан поймет, каким замечательным человеком стал его младший сын, все решится в пользу Селима.

Селим со всем вниманием выслушал Хаджи-бея, однако не сказал старому слуге о том, что давно уже желал сменить на троне своего отца. Он ведь знал своих братьев лучше, чем они сами себя. Ахмед был бездумным искателем плотских удовольствий; Коркут же в стремлении к учености жаждал монашеского уединения. Ни то, ни другое не прельщало Селима, и только один человек вызывал у него восхищение – его дедушка.

Когда великий завоеватель умер, мальчику было почти тринадцать, поэтому он отлично помнил старика. Мехмед жил в Ени-серале, откуда мог приглядывать за строительством нового дворца. Однажды он приказал привести к нему внуков. Ахмед и Коркут прибыли в сопровождении свиты, приличествующей их положению в империи; но семилетний Селим привел с собой одного-единственного слугу.

Мехмед вскинул брови, но промолчал. Для развлечения присутствующих были устроены кулачные бои, и Ахмед хвастливо заявил, что сможет победить любого. И снова старый султан не сказал ни слова, только воззрился на раскормленного хвастуна с явным неодобрением. После того случая в Енисарай приглашали только Селима. Когда же Селим спросил, отчего так, старик ответил ему с полной искренностью:

– Только ты, Селим, достоин науки, которой я собираюсь тебя обучить.

– Какая же это наука, дедушка?

– Я научу тебя быть воином – величайшим воином, каких еще не знала история. Отныне ты будешь учиться искусству боя, и я сам выберу тебе наставников. Мы будем встречаться

дважды в неделю – втайне. Потому что я не хочу, чтобы об этом узнала Бесма. Я сам стану обучать тебя тактике, которая позволила мне выиграть столько битв и завоевать самую ценную жемчужину моей короны – наш прекрасный город Константинополь. Когда я умру, Турции не придется бояться будущего – ты поможешь защитить нашу страну.

Шесть лет спустя Селим навестил Мехмеда, лежащего на одре смерти. Последние слова, произнесенные великим правителем, были ясными и недвусмысленными, и лишь Селим услышал их.

– Ты, только ты должен наследовать моему преемнику, – сказал старик.

Селим прекрасно помнил эти слова – они раскаленными углями запечатлелись в его мозгу, укрепляя тайное желание добиться власти. И то, что поведал ему сегодня ага, пришлось принцу по душе, однако он только кивнул в знак согласия, внешне оставаясь бесстрастным. Селим понимал: его втягивали в игру крайне опасную и требующую дьявольского терпения. Но именно такой игры и жаждало его сердце.

– Ты улыбаешься, мальчик мой... – заметил ага.

– Я думаю, мне придется совершить невозможное. – Селим рассмеялся. – Стать мудрейшим из мудрых... К тому же – примерным братом, безупречным мужем – и отцом! Во имя Аллаха, Хаджи-бей, ты требуешь слишком многого от грубого воина. Что будет, если мне не понравятся красавицы, которых я выберу в отцовском гареме? Прекрасное личико – еще не залог счастья для мужчины...

Ага улыбнулся.

– Когда ты сделаешь свой выбор, по крайней мере, три девушки придутся тебе по вкусу – обещаю. Я сам отправлюсь на их поиски.

– Ты полагаешь, что знаешь мои вкусы?

– Красота, ум, искренность, независимость и, наверное, некая тайна?

– Отыщи мне хотя бы одну женщину, обладающую всеми этими достоинствами, Хаджи-бей, и я буду счастливейшим из мужчин.

– Я найду ее, мой принц, и ты будешь счастлив!

По приказу султана двадцать пятый день рождения Селима праздновала вся империя, от Балкан до границ с Персией. Селим прибыл в Константинополь неделей раньше, и по приказу отца ему отвели покои в Ени-серале.

Почти все время Селим проводил в одиночестве, ведь при османском дворе – в отличие от европейских – не было благородного юношества, из которых принцы могли бы выбирать себе друзей. Прибавьте сюда одинокое детство... Неудивительно, что в столице Селиму было неуютно. И гораздо лучше он чувствовал себя среди крымских татар – своей личной охраны. Он уже показал себя искусным воином и, следовательно, заслужил их уважение. Что же касается верховой езды, то в этом ему не было равных, а копье он метал так далеко, как никому другому не удавалось. А как владел он кинжалом и ятаганом!..

С отцом Селим виделся три раза. Как и надеялась Кесем, ее сын сумел произвести приятное впечатление на Баязета. Во время первой встречи оба испытали неловкость. Отец и сын были друг другу практически чужими. Но вдруг Селим, в отчаянной попытке завести беседу, вздумал упомянуть о том, что пишет стихи. И Баязет оживился – ведь он тоже увлекался стихосложением! Таким образом отношения наладились, и между ними даже завязалась дружба.

Селим увиделся также и со старшим братом, которого пригласили на пир. Разгоряченный запретным удовольствием – вином – и воинственно настроенный под влиянием нескончаемого брызжання матери, Ахмед с подозрением разглядывал брата, приветствовавшего его низким поклоном.

– Наш отец оказал тебе великую честь, – проворчал он.

– Он почтил не меня, а последнее желание моей умирающей матери, – ответил Селим.

– Но наследник я, а не ты!

– Воля моего отца для меня закон.

– Моя мать говорит, что ты хочешь украсть у меня трон. Но я сказал ей, что она ошибается. – Подняв чашу с вином, Ахмед осушил ее до дна.

Селим улыбнулся.

– Я не стану красть у тебя трон, брат мой. – Снова улыбнувшись, он про себя добавил: «Жирный болван, трон не твой и никогда твоим не будет!»

Однажды ага тайно провел Селима в особую комнату наверху, из которой можно было видеть женскую баню Экисерале. Ни разу не доводилось принцу видеть столько женщин сразу, тем более – обнаженных женщин.

– Сколько женщин у моего отца? – спросил он, не в силах отвести взгляд от поразительного зрелища, что открывалось внизу.

– Сейчас у него приблизительно три сотни, – ответил Хаджи-бей. – Гедиклей – сто десять, еще три кадин, пять икбал и примерно дюжина гёзде. Остальные – просто служанки.

Принц промолчал, а ага мысленно посмеивался; он никогда не был мужчиной, но это не мешало ему стать знатоком женских прелестей. Под его неусыпным надзором только самые изысканные красавицы проходили обучение, чтобы стать гедикли. Откинувшись на подушки, Хаджи-бей и Селим любовались живой картиной, которая открывалась их глазам в нижнем зале.

Баня представляла собой сооружение из бледно-розового мрамора под куполообразной крышей из розоватого стекла. В стенах имелись ниши, отделанные темно-синей и кремовой плиткой, и в этих нишах были установлены золотые краны в виде цветков, откуда били струи горячей и холодной воды, наполнявшие глубокие, в форме раковин, бассейны. В центре зала располагались несколько прямоугольных скамей из розового мрамора, которые использовались для отдыха или массажа. Роскошный фон для сонма прекрасных женщин султанского гарема – и смуглых испанок, и девушек из Прованса и Италии с их золотистой кожей, и египтянок, темных, как кофе, и молочно-белых гречанок и черкешенок, а также угольно-черных девушек из Нубии.

Мало-помалу зал начал пустеть, и вскоре девушек осталось совсем немного – не более десятка. Селим вздрогнул от неожиданности, когда в зал в сопровождении группы юных красавиц вошла женщина весьма почтенного возраста.

– О!.. – воскликнул ага. – Вот и госпожа Рефет!

При появлении тети принцу сделалось немного не по себе.

– Я и забыл, как она похожа на мою покойную мать, – сказал он. – Как две капли воды!

– Ну, различия все-таки есть, – заметил Хаджи-бей. – У твоей матери была очаровательная родинка. Но я привел тебя сюда не затем, чтобы ты разглядывал свою тетю. На ее попечении находятся три особенные девушки. Можешь определить, кого я имею в виду?

Селим окинул взглядом каждую из девушек в небольшой группе. Высокая девушка с золотистой кожей и прекрасными миндалевидными глазами расплетала длинную косу цвета черного дерева.

– Вот эта, – сказал принц.

Хаджи-бей кивнул.

– И если ты, ага, не оценил вон ту, с наливными ягодицами и волосами, точно серебро, то знай: я выбираю и ее тоже. – Молодой человек указал на Фирузи.

– Правильный выбор, сын мой. А третья?

Но принц не отвечал, и ага, проследив за его взглядом, невольно улыбнулся – Селим впился глазами в Сиру. Девушка раскинулась на одной из мраморных скамей, и вокруг нее хлопотали три невольницы. Одна полировала ногти на ее стройной ножке, вторая – на тонкой

руке, а третья растирала шелковой тканью прядь золотисто-рыжих волос, чтобы придать им особый блеск.

– Это Сира, – пояснил Хаджи-бей. – Разве она не прекрасна? – Он не стал дожидаться ответа принца и продолжил: – Она мудра не по годам. Твоя тетя сказала мне, что эта девушка бегло говорит на нескольких языках и в совершенстве усвоила дворцовый этикет, а также традиции, предписанные женщинам Турции. Она как нельзя лучше подходит для того, чтобы стать матерью твоих сыновей. Твой отец был слишком неразборчив в отношении женщин, и в результате появился Ахмед. Но, сын мой, ты должен быть очень осторожен с этой девушкой. Она все еще девственница, хотя и обученная нашими женщинами искусству угождать господину. В ее родной стране, которую она покинула совсем недавно, женщины во многих отношениях равны мужчинам. Она сохранила независимый нрав, и мы были очень осторожны с ней, дабы не сломить ее дух. Ты никогда не удерживал при себе женщину дольше, чем на одну-две ночи, и это были женщины, изощренные в искусстве любви, – но и только. Сначала Сира будет застенчива, однако будь к ней добр, Селим, и тогда она полюбит тебя на всю жизнь.

Шли дни, но слова Хаджи-бея не выходили у Селима из головы. Он думал только о Сире. Ага сумел-таки его озадачить! Аллах создал женщин для удовольствия мужчин, и женщины, которые у него были, действительно умели доставить ему наслаждение, – но что с того? Впервые Селим задался вопросом: а хорошо ли было этим женщинам с ним? И, кроме того... Ведь если мужчина должен провести жизнь с женщиной, то их должно связывать нечто большее, нежели просто физическая близость – та, что бывает при спаривании животных. Но ведь Аллах создал человека более совершенным, чем животные, не так ли? И если человек превосходит животных, – то разве не любовь сделала его венцом творения?

Ему было уже двадцать пять, но он еще не знал, что такое любовь. А может, Сира научит его любви? Но какая она при общении? Ему ужасно захотелось услышать ее голос. Захотелось поговорить с ней... Однако же... понравится ли он ей? Да, конечно, Хаджи-бей приведет ее к нему, и он будет обладать ее гибким белым телом, – но ведь никто не заставит эту девушку полюбить его!

В конце концов Селим решил, что завтра вечером сядет вместе с отцом и выберет ее. И постарается сделать так, чтобы она его полюбила. Он видел ее впервые, но уже знал, что не сможет без нее жить.

Песнь муэдзина полилась с минарета Большой Мечети, которая еще совсем недавно была христианским храмом Святой Софии. Селим пал на колени и начал истово молиться.

Глава 10

К празднованию дня рождения принца Селима гедикли султанского гарема начали готовиться задолго до этого важного события. Каждая из девушек тайно лелеяла надежду, что именно она станет одной из шести счастливиц, которых выберет принц. Не каждый день выпадает такая возможность!

У султана Баязета было три кадин, и их неустанные интриги и борьба за внимание повелителя держали весь двор в напряжении, нередко выливаясь в открытые скандалы. Султан старел, однако вереницы невольниц по-прежнему следовали Золотым Путем, что вел в его постель. И те, кому удалось понравиться господину, избежав при этом гнева трех его жен, почитали себя счастливицами. Менее удачливых стража препровождала во Дворец Бывших Жен.

Поэтому так заманчива была возможность попасть в гарем молодого и красивого принца. И девушки старались прихорошиться как могли. Никогда еще не были они так прилежны в учебе и не тратили столько денег, которые выделялись им «на башмачок», чтобы закупить духов и драгоценных украшений. Некоторые даже подкупали слуг, дабы выведать предпочтения принца!

Появление Сиры, Фирузи и Зулейки в гареме султана прошло тихо и почти незаметно. Казначей просто назвал их имена, места рождения и покупки, а также цену. Хаджи-бей, понимая, что огромная цена, которую он уплатил за Сиру, привлечет к девушке ненужное внимание, воспользовался для ее покупки собственными средствами, а в бумагах указал сумму в пятьсот динаров, которую никто не считал бы чрезмерной за столь красивую рабыню-девственницу.

Девушек определили в ода к леди Рефет. Хаджи-бей принял исключительно мудрое решение, доверив их тетке принца Селима – стройной женщине с прекрасными темными волосами, которые она заплетала в косу, укладываемую затем на голове в виде короны. Ее красивое лицо с высокими, изящной лепки, скулами выражало доброту и нежность. И от взгляда ее пронизательных карих глаз не укрылась тревога девушек, пусть даже они ее старались скрыть.

Предупрежденная агой о прибытии новых воспитанниц, она не удивилась, когда они появились у нее в сопровождении самого аги. Рефет бросилась им навстречу, и, крепко обняв каждую, низким певучим голосом произнесла:

– Добро пожаловать, дорогие мои. Я так рада, что вы благополучно добрались до нас.

– Оставляю их на твое благосклонное попечение, госпожа Рефет, – сказал Хаджи-бей. – Прощайте, мои дорогие. Да не покинет вас удача.

Госпожа Рефет не оставила им времени для слез.

– Поскольку сейчас время бани, – проговорила она, – и мы остались одни – давайте выпьем чего-нибудь прохладительного. А пока что я покажу вам ода.

Подав знак слуге, чтобы принес питье и угощение, она повела своих новых подопечных в отведенную им комнату.

– Вот здесь, – сказала Рефет, взмахнув рукой, – вы будете жить и спать – как и другие девушки, вверенные моим заботам.

Сира оглядела комнату и увидела три круглых низких столика, стул и разноцветные подушки на полу.

– А где же постели? – спросила она.

Госпожа Рефет указала на дверцы в нижней части двух стен.

– За ними – шкафы. У каждой девушки свой шкафчик, где хранятся ее спальные принадлежности с матрасом, одежда и прочие мелочи. Каждое утро после молитвы мы проветриваем наши постели, потом убираем их до вечера.

– Очень разумно, – заметила Сира, чем немало удивила госпожу Рефет. – А есть мы тоже будем здесь?

– Да, моя дорогая.

– А нам можно будет отсюда выходить?

– Разумеется, дитя мое, – как же иначе? Здесь же не тюрьма... Конечно, ваши передвижения ограничены в какой-то мере, и все же у вас будет гораздо больше свободы, чем в вашей родной стране.

– Неправда! – воскликнула Сира. – У себя на родине я могла ходить, куда захочу и когда захочу.

Госпожа Рефет обняла девушку за плечи.

– Тогда тебе, наверное, будет трудно привыкнуть к нашим порядкам, но мы постараемся облегчить твое положение, насколько это возможно. Однако тебе предстоит многому научиться, так что времени сетовать на судьбу не останется. Сейчас мы разговариваем по-французски, но вы как можно скорее должны заговорить по-турецки. И, ничего не зная сейчас о наших обычаях, вы имеете в запасе всего пять месяцев, – если хотите предстать перед султаном и его сыном. Помимо учебы, у вас будут еще и обязанности по хозяйству.

Надеюсь, вы не думаете, что мы тут только и делаем, что красим ногти, поглощаем сладости и дожидаемся, когда нас потребуют к султану. О-о, нет-нет! На каждую девушку возложены нетрудные домашние дела, которые, однако же, надлежит исполнять каждый день. Есть – еще баня и, разумеется, учение. Вас ожидает очень насыщенная жизнь – вот увидите!

День пролетал один за другим, и почти сразу же стало ясно, что госпожа Рефет не лукавила – у них действительно не было времени для грусти и тягостных раздумий. Три новенькие девушки довольно быстро выучились говорить по-турецки, и лучше всех получалось у Сиры. Ей и прежде нравилось изучать языки, и она, к тому же, была очень способной ученицей. Изучали они также и историю Османской империи, поскольку Хаджи-бей был уверен: чтобы быть готовым к будущему, нужно хорошо знать прошлое.

Нравы, манеры, искусства Турции – занятия могли длиться часами до самого вечера. Девушки учились музыке и танцам, которым турки придавали важное значение. Зулейка оказалась превосходной музыкантшей, ведь восточная музыка была уже привычна ее уху. Фирузи блистала в танцах и любила петь песни своей страны, подыгрывая себе на гитаре. Музыка и танцы не были коньком Сиры, однако она отличалась упорством и прилежанием, так что вполне овладела этими искусствами – тем более что плач тростниковой дудки напоминал ей протяжное пение милой ее сердцу шотландской волынки.

Каждой девушке полагалось уметь вышивать – с этим они уже справлялись, – а также читать и писать. Сира и Зулейка умели и то, и другое – на своих родных языках, конечно же. Турецкому же письму их обучала пожилая ученая дама по имени Фатима. Сира помогала Фирузи, которой наука письма поначалу давалась с трудом, – а читала она еще хуже. Однако Сира была терпелива, и постепенно Фирузи начала делать успехи – к собственному восторгу и гордости.

С каждой проходившей неделей новая жизнь становилась для них все более понятной и привычной. И проще всего было Зулейке; ведь при дворе императора династии Мин женщины вели очень скрытный образ жизни, и только тягостные воспоминания о том, как поступила с ней коварная наложница шаха, по-прежнему терзали китаянку. Но мало-помалу девушке удалось отрешиться от этих мыслей – по крайней мере, настолько, чтобы не горевать, отвлекаясь от повседневных дел.

Фирузи же, чей дом в горах был открыт навстречу всем ветрам, могла бы счесть себя узницей, не будь она так очарована и поражена красками, звуками и роскошью своего нового существования. Девушка потеряла все – дом, семью и жениха; но здравый смысл подсказывал,

что она – хоть умри! – не сможет вернуть утраченное. И если подумать – то как могла бы обернуться ее судьба, если бы не Хаджи-бей? Поэтому Фирузи благодарила Бога и принимала свое положение как данность. А природная жизнелюбивость сделала остальное.

Труднее всего приходилось Сире. Выросшая в свободолюбивой Шотландии, где она привыкла ходить и ездить куда угодно по собственной воле, девушка страдала в замкнутом пространстве гарема. Ее мир теперь ограничивался стенами ода, бани, женской мечети и сада. И временами ей казалось, что она бы отдала все на свете – лишь бы вскочить на коня и пуститься галопом по полю! Как и Фирузи, она смирилась со своим новым положением, но иногда бедняжке казалось, что она вот-вот сойдет с ума.

Заметив тоску в глазах своей юной подопечной, госпожа Рефет попыталась ей помочь. К Сире приставили евнуха, который обязан был сопровождать ее в длительных прогулках по саду – разумеется, при условии, что она будет должным образом одета. А это означало, что на ней должно быть одеяние с длинными широкими рукавами бледно-лилового цвета, называемое феридже. Оно закрывало фигуру от шеи до пят и на плечах смыкалось с просторной, квадратного кроя, накидкой, свисавшей чуть ли не до земли. К этому наряду полагалось надеть яшмак, то есть состоявшую из двух частей чадру. Первая часть, ниспадая на грудь, закрывала лицо от переносицы, вторая же, покрывая голову и лоб до самых бровей, развевалась за спиной. Про одетую подобным образом женщину никто не смог бы сказать, молодая она или старуха, красавица или уродина.

Что и было доказано в один прекрасный день – к ужасу сопровождавшего Сиру евнуха. Они гуляли в саду, когда из-за живой изгороди возник султан вместе со своей свитой. Евнух побледнел как смерть и едва не лишился чувств, поскольку ага предупредил его, что присутствие в гареме Сиры должно оставаться тайной. Зато Сира быстро сообразила, что делать. Она поклонилась так низко, что султан, который мог бы остановиться и разглядеть ее чудесные зеленые глаза с золотистыми искорками, равнодушно проследовал мимо, едва удостоив девушку взглядом.

Это происшествие заставило Сиру крепко задуматься. До сегодняшнего дня она не очень-то понимала, насколько велика власть султана. Однако одного взгляда на искаженное от ужаса лицо евнуха оказалось достаточно, чтобы окончательно все осознать. «Мне придется провести в этом странном мире всю жизнь, – сказала она себе. – И я могу выбирать, кем быть – жалким дрожащим существом вроде моего бедного евнуха или покорной, но любимой женой будущего султана. Под защитой принца Селима мне нечего будет бояться, и у меня будет власть. И, возможно, я даже сумею его полюбить...»

С этого дня ее бунтарский дух давал о себе знать гораздо реже, и теперь девушка охотно следовала всем пожеланиям своих наставников.

– Что могло послужить причиной столь разительной перемены? – спрашивала госпожа Рефет, обращаясь к Хаджи-бею.

– Не знаю, – отвечал тот. – Однако наша Сира очень умна. Очевидно, некое происшествие послужило ей уроком. И я рад этой перемене! Нам не добиться успеха без ее помощи, ибо именно эту девушку я выбрал на роль первой икбал для принца Селима и, если будет на то воля Аллаха – его баш-кадин.

– Но мой племянник не станет слушать указаний о том, кого ему любить, господин ага. Хаджи-бей улыбнулся.

– Я и не собираюсь ему указывать, однако знаю, что эта девушка станет первой по его собственному выбору. В отношении женщин Селим очень проницателен. И Зулейка, и Фирузи – обе они прекрасны, однако китаяночка слишком горда, и в сердце ее живет горечь. Она будет неистово предана Селиму, но душой никогда не станет ему по-настоящему близка. А малышка с Кавказа улыбается, но за ее улыбкой таится глубокая печаль. Она тоже будет ему предана, но никогда не забудет юношу, который должен был стать ее супругом в тот самый день, когда ее

похитили, и который погиб, пытаясь ее защитить. Селим почувствует боль, которую они носят в сердце. Возможно, он будет их любить, возможно, они даже подарят ему сыновей, но ни той, ни другой он не сможет доверять до конца...

– Но разве у Сиры нет собственных горьких воспоминаний? Она поведала мне, что была обручена, когда ее продали в рабство.

– Сира еще слишком молода по сравнению с Зулейкой и Фирузи. Она была влюблена в любовь, а вовсе не в своего нареченного. Кроме того, у нее – возможно, она пока что не отдает себе в этом отчета – слишком трезвый ум. Всего несколько месяцев в гареме, – но как повзрослела!.. Ее чувства разбужены, и она вполне созрела для любви. Когда же любовь к ней придет, она станет настоящей женщиной, преданной своему господину не только своим телом, но и душой. Ни одна из девушек гарема не сравнится с ней, и Селим уже покорен ее красотой.

– Так он ее видел?! – изумилась госпожа Рефет. – Клянусь Аллахом, Хаджи-бей, ты очень рискуешь...

– Нет, госпожа моя, мы ничем не рискуем. Над купальней есть особая потайная комнатка, устроенная по моему приказу немymi рабами, когда я стал агой. О ней не знает никто, – даже султан. Оттуда я могу наблюдать за девушками, не смущая их, и таким образом получаю возможность отделить зерна от плевел, ибо даже самое прекрасное лицо не исключает несовершенства тела. Так вот, несколько дней назад я провел в эту комнату Селима, дабы он смог увидеть твоих подопечных и понять, которую из них выбрать себе в подарок на день рождения.

– Скорей бы уже... – вздохнула госпожа Рефет. – Эта необходимость хранить тайну ужасно меня нервирует.

Наконец наступил рассвет долгожданного дня, и во дворце воцарилось сущее столпотворение. Переполненные бани гудели – взволнованные голоса, громкий смех, болтовня... Рабыни же были нарасхват и бегали от одной девушки к другой. А распорядительнице кладовых одежды пришлось улаживать столько ссор между визжащими и плачущими одалисками, что сия дама, не выдержав, слегла в постель, заявив, что непременно попросит отправить ее в Дворец Бывших Жен.

В своем скромном ода госпожа Рефет проводила последний смотр трем своим ученицам, с которыми связывалось столько надежд. Казалось невероятным, что им с Хаджи-беем удалось скрывать таких красавиц от султана. Но сегодня вечером не миновать расспросов! Оставалось лишь надеяться на хитрость и изворотливый ум аги.

– Ты само совершенство, – сказала она Сире. – Ты затмишь любую женщину на этом празднике...

– А вы уверены, что цвета подобраны правильно? – спросила девушка. – Вчера мы провели перед зеркалом чуть ли не полдня.

Госпожа Рефет одобрительно кивнула. Она знала, кто подкупил распорядительницу кладовых, чтобы девушкам позволили выбрать себе наряды на целый день раньше. Рефет, обязанная своим положением в гареме Хаджи-бею, была ему безоговорочно предана.

– Взгляните-ка на себя, птички мои! Вы прелестны! Все трое!..

Девушки окинули друг друга внимательными взглядами. На Сире были шаровары из полупрозрачного бледно-зеленого шелка и корсаж в тон, затканый золотыми нитями и украшенный по низу крошечными нефритовыми бусинами. На бедрах красовался широкий золотой пояс, инкрустированный нефритом. Тщательно расчесанные золотисто-рыжие волосы блестели подобно солнечным лучам; подхваченные сзади золотой, с жемчужной вставкой, заколкой, они свободно ниспадали вдоль спины. Ножки были обуты в зеленые с золотом парчовые туфельки. На плечи девушки госпожа Рефет собственноручно набросила зеленую пелерину на золотистой подкладке.

Зулейка надела шаровары цвета лаванды, и ее корсаж был отделан пурпурным бархатом. Наряд дополняли искусно выполненный пояс из золота и аметистов, парчовые туфельки без задников и шелковая пурпурная накидка, подбитая лиловым бархатом. Чтобы подчеркнуть нежные черты лица, ее черные как смоль волосы были зачесаны назад и заплетены в косы, украшенные лиловыми лентами и жемчугом.

Шаровары и шитый серебром корсаж Фирузи были бирюзовыми – в тон глазам. Тяжелый серебряный пояс украшали редкостные лазуриты, вывезенные из Персии. На ножках красовались парчовые туфельки с загнутыми носами, а на округлых розовых плечах – бирюзовая накидка на подкладке из кремового атласа. Белокурые же волосы были завиты в роскошные локоны.

Госпожа Рефет подала каждой из девушек маленькую украшенную жемчугом шапочку, из золотой парчи – Сире и Зулейке, а Фирузе – из серебряной.

– Хаджи-бей будет весьма доволен, – с улыбкой заметила она. – А теперь сидите тихо, пока я буду проверять других своих воспитанниц.

Вскоре явился евнух; пора было отправляться на прием к султану. Девушки-гедикли послушно выстроились в две шеренги.

– Итак, помните, – тихо сказала госпожа Рефет трем «особенным» подопечным, – как только попадете в Большой зал, расходитесь в разные стороны. Вас не должны видеть вместе. Фирузи, ты должна быть в числе первых, подошедших к султану и принцу. Ты, Зулейка, жди, пока не пройдет половина претенденток. А тебе, Сира, надлежит находиться в последней группе.

Султанская резиденция Баязета некогда была дворцом византийских императоров, и турки называли его Эски-сераль, то есть Старый дворец (в отличие от Ени-сералья, то есть Нового дворца, строительство которого начал отец нынешнего султана Мехмед Завоеватель). Ени-сераль использовался правителем Османской империи для проведения официальных церемоний, и туда же султан удалялся, когда желал отдохнуть от суетного общества своих домашних. Ни одной женщине не позволялось жить там.

Войдя в Большой зал, Сира даже ахнула про себя, изумленная красотой здешнего убранства. Купол был из листового золота, стены выложены сверкающими синеvато-золотистыми мозаичными плитками, а пол был сложен из цельных блоков чистейшего кремового мрамора. Хотя стояла осень, зал был уставлен инкрустированными самоцветами фарфоровыми вазами, в которых росли маленькие пальмы, розы, азалии и тюльпаны. Повсюду висели раззолоченные клетки с канарейками и соловьями. За резными ширмами скрывались музыканты, наигрывавшие негромкие мелодии, а рабы, скользившие словно тени, разносили угощения – пирожные, шербет, засахаренные фрукты и орехи.

Внезапно огромные золоченые двери широко распахнулись, и раздался громовой голос:

– Приветствуйте нашего великого султана Баязета, ревностного защитника Аллаха на этой земле!

В зал вошли султан и его свита, состоявшая из трех закутанных в покрывала кадин, слуг и принца Селима. Султан и его сын поднялись на особый помост, а кадин уселись поблизости от помоста.

Баязет поднял руку и заговорил:

– Во имя любви к моей усопшей баш-кадин, моей несравненной Кесем, я призвал к себе из Магнесии моего сына Селима. Теперь ему надлежит исполнять свой долг в ближайшей к нам крымской провинции. Сегодня ему исполняется двадцать пять, и в честь этого события я позволяю ему выбрать шесть девушек из числа моих собственных гедикли. Они – мой подарок ему на день рождения! И девушки, на которых падет его выбор, останутся навсегда его собственностью. Так пусть же невинные девы пройдут перед глазами моего сына!

И церемония началась. Медленно, одна за другой, каждая девушка приближалась к султану и его сыну, сложив ладони перед грудью, как предписывал дворцовый этикет. Некоторые держались вызывающе, другие явно робели. Одних разбирал нервный смех, другие же призывно улыбались. Женщины привозились в гарем Баязета со всех концов мира и по праву могли гордиться своей красотой. Каждая из них останавливалась перед султаном, и раб снимал с нее накидку, которую – после должного представления – снова набрасывал на плечи девушки.

Сира наблюдала за происходившим, укрывшись в дальнем уголке зала. Отсюда она смогла как следует рассмотреть принца Селима, которому предстояло стать ее господином. Он был высок и строен, от матери унаследовал светлую кожу и светлые же глаза. Из-под маленького белого тюрбана выбивались темные слегка выующиеся волосы. Выражение гладко выбритого лица было суровым, однако губы то и дело растягивались в подобии улыбки. Возле принца стоял раб, державший в руках серебряный поднос, на котором лежали шесть белых платочков, расшитых шелком.

Тут к принцу подвели Фирузи. Она остановилась перед троном, и Селим подал знак рабу. Тот спустился с помоста и протянул девушке шелковый платок. По залу же прокатился одобрителный гул.

Второй девушкой, которую выбрал Селим, оказалась испанка с кожей оливкового тона, глазами цвета топаза и гривой каштановых волос. Ее звали Сарина. Она заняла место у подножия помоста, бросив на Фирузи мрачный взгляд.

Третьей избранницей принца Селима стала миниатюрная девушка с равнин Индии по имени Амара. Принимая платок, она стыдливо потупила темно-карие очи. Принц улыбнулся ей, и ее смуглые щеки окрасил пунцовый румянец.

Зулейка стала четвертой. И тут султан подозвал к себе Хаджи-бея и сказал:

– Я не видел прежде эту девушку. Как и ту восхитительную блондиночку, которую мой сын выбрал первой.

– Они новенькие, господин. Ты ведь знаешь, что гарем пополняется непрерывно. И сегодня ты делаешь смотр всем женщинам своего гарема впервые за много месяцев.

Девушки чередой проходили мимо помоста, однако два платка так и оставались на серебряном подносе. И вот перед всемогущим властелином и его сыном стала Сира. Она грациозно приблизилась к помосту, гордо подняв рыжеволосую голову. Раб сдернул с нее накидку. Подавшись вперед, султан плотоядно облизнулся. Внезапно смолкла болтовня кадин, впившихся глазами в свою возможную соперницу.

Селим в пятый раз кивнул рабу с подносом, и в следующий миг Сира уже прижимала белый шелковый платок ко лбу и губам, занимая место среди других избранниц.

– Опять новенькая, Хаджи-бей?! – воскликнул султан.

– Да, мой господин.

– А долго ли она живет в моем гареме?

– Четыре месяца, господин.

– Почему же я до сих пор ее не видел?

– Она сильно сопротивлялась, господин. Мы никак не могли обучить ее всему, что требуется.

– Ясно, – буркнул Баязет с некоторым раздражением в голосе. – Значит, я должен тут сидеть и наблюдать, как мой собственный сын снимает сливки в моем гареме? Кажется, я слишком поспешил со своим решением!

– Нет, господин мой, это не поспешность, но щедрость и великодушие. Поверьте, эти девушки – всего лишь полудрагоценные камни по сравнению с теми алмазами, что я припрятал для тебя, но сегодня их здесь нет, – сказал ага и многозначительно улыбнулся.

Султан же рассмеялся и воскликнул:

– Ты всегда знаешь, как мне угодить, Хаджи-бей! Прости же своего повелителя за то, что он усомнился в тебе!

Ага почтительно поклонился, а тем временем последний шелковый платок попал в руки золотоволосой красавицы с севера Греции; это была девушка по имени Ирис, с мраморно-белой кожей и сапфировыми глазами.

– Ты сделал хороший выбор, сын мой! – воскликнул султан Баязет таким тоном, будто хотел сказать – «слишком уж хороший». Его все же смущала мысль о том, что он лишился рыжеволосой красоти. – А теперь пусть иностранные послы и посланники из наших городов поднесут дары моему сыну.

По знаку Хаджи-бея девушки новоизбранного гарема принца поднялись на возвышение, чтобы занять места возле своего господина. Ага сам начал их рассаживать – да так, чтобы Сира, Зулейка и Фирузи оказались к принцу ближе всех остальных. Затем он хлопнул в ладоши, давая сигнал к началу нового представления.

Рабы снова распахнули огромные двери зала, впуская красочную процессию. В первую очередь были приняты дары иностранных владык. Египет прислал обеденный сервиз на двенадцать персон – блюда из чеканного золота и украшенные самоцветами кубки. От монгольского хана прибыли прекрасный жеребец – черный как смоль, а также две чудесные кобылы. Один из индийских раджей подарил принцу золотой пояс двух дюймов в толщину, усыпанный сапфирами, рубинами, изумрудами и алмазами. Другой индийский принц прислал двух карликовых слонов. Из Персии явились отрезки разноцветных шелков, подобных которым не было во всем мире. Из Левантийской Венеции была послана безупречной красоты хрустальная ваза четырех футов в высоту, доверху наполненная бледно-розовыми жемчужинами – одинаковыми по величине и безупречными по качеству.

Затем следовали дары из всех уголков обширной Османской империи, и их по очереди выкладывали перед тронем. Тут были искусно сотканые ковры, шелковые мешочки с луковичками тюльпанов редких сортов, клетки с экзотическими птицами, новейшей конструкции подзорная труба-телескоп, выточенный из цельного слоновьего бивня и оправленный в серебро (этот подарок, прибывший из Магнесии, теперь находившийся под управлением принца, особенно порадовал Селима, который увлекался астрономией).

А еще в подарок принцу прислали с полдюжины евнухов-пигмеев и хор христианских мальчиков-кастратов с голосами удивительной красоты.

Гора подарков все росла и росла, а Сира тем временем наблюдала за кадин Бесмой, матерью принца Ахмеда. Эта женщина сидела с совершенно бесстрастным лицом, но глаза ее метали молнии неприкрытой ненависти к Селиму и глущей ревности – надо же, какие почести ее владыка и господин расточал своему младшему сыну!..

После некоторого раздумья, улучив момент – церемония подношения даров подошла к концу, и взгляды всех присутствовавших обратились на танцующих девушек, – Сира осторожно протянула руку коснулась руки принца и тихо сказала:

– Прости дерзость твоей ничтожной рабыне, господин мой, – но дозволено ли мне говорить?

Селим молча кивнул, а девушка продолжала:

– Прошу, взгляни на госпожу Бесму. Поверхность пруда – ровная и гладкая, но на дне таятся смертельно опасные течения. Не стоит ли смирить эти беспокойные воды?

– Мудрость моей рабыни не уступает ее красоте, – с улыбкой ответил принц.

Когда увеселения подошли к концу и Баязет уже собирался дать сигнал к окончанию вечера, Селим внезапно поднялся с места, а затем пал ниц перед отцом.

– Да, сын мой, слушаю тебя, – проговорил султан.

– Отец, господин мой, я никогда не смогу отплатить тебе за твою доброту и воздать за великое благородство – ведь ты сдержал слово, данное моей матери! Однако я попытаюсь. –

Сунув руку в атласный мешочек, Селим извлек оттуда сапфир размером с куриное яйцо – то был подарок багдадского калифа. – Прошу принять эту безделицу, господин мой, ничтожную плату за ту щедрость, что ты выказал мне!

Польщенный султан взял сапфир.

– А это – для жемчужин гарема моего отца, – продолжал принц. Протянув руки к венецианской вазе, он зачерпнул две пригоршни розовых жемчужин, которые предложил отцовским женам – третьей и четвертой. Затем, повернувшись к Бесме, проговорил: – А этот прекрасный опал из копей Соломона предназначен редчайшему цветку во всем серале! Но красота этого камня не сравнится с твоей. И размерами – камень был величиной со сливу – ему не превзойти твоего сердца! А твоему сыну, моему возлюбленному брату Ахмеду, я дарю хор мальчиков – пусть услаждают и развлекают его!

Тонкая вуаль не могла скрыть выражения лица Бесмы – злодейка точно ежа проглотила!

– Я благодарю принца Селима от своего собственного имени и от имени всех кадин моего супруга, – с кислой миной проговорила она.

– Прекрасный поступок, сын мой, – заметил султан. – Да, прекрасный! – Подняв унизанную драгоценными перстнями руку, он дал знак к окончанию праздника и покинул Большой зал в сопровождении кадин и слуг. Выстроившись в две шеренги, девушки-гедикли вышли за ними вслед.

Большой зал опустел, если не считать Селима, его гарема и Хаджи-бея, поспешившего навстречу принцу с широкой улыбкой.

– Идем, мой господин Селим. Я подготовил тебе покои на эту ночь. А завтра, после утренней молитвы, тебе и твоему гарему надлежит покинуть Эски-сераль.

– Куда же мне ехать? Знаю лишь, что буду править крымской провинцией, что в двух днях пути от Константинополя.

– Много лет назад, господин мой, твой отец подарил твоей матери скромный дворец на берегу Черного моря. Теперь он твой. С тобой поедет госпожа Рефет, которая будет присматривать за твоими женщинами.

– Да благословит тебя Аллах, мой старый друг, – ответил принц. – Хорошо, что моя тетя будет в безопасности. Жены моего отца ненавидят Рефет, потому что она верна мне.

– Знаю, – кивнул ага. – Уже дважды в гареме покушались на ее жизнь.

– Что?...

– Не гневайся, господин мой. Я говорю тебе это лишь для того, чтобы предостеречь. Будь всегда начеку! Однако пойдем, у стен есть уши. Поговорим позже. – Хаджи-бей повернулся к ожидающим девушкам. – Следуйте за мной, милые. Час поздний.

Покинув зал, девушки последовали за Хаджи-беем и вскоре очутились в обширных покоях, где их встретила госпожа Рефет. Сюда, в это временное пристанище, уже перенесли немногочисленные пожитки девушек, и чьи-то заботливые руки разложили их ночные одеяния.

– Думаю, теперь вам следует отойти ко сну, – сказала госпожа Рефет. – Мы выезжаем рано утром.

– А что, если принц захочет одну из нас прямо сейчас? – спросила Сарина.

– Этого не случится, – ответила госпожа Рефет.

– Откуда тебе знать? – допытывалась девушка.

Женщина улыбнулась и проговорила:

– Сарина, я знаю одно: ты от радости совсем забыла о манерах. Но имей в виду, положение твое нисколько не изменилось, и ты по-прежнему невольница – обычная одалиска, которой останешься до тех пор, пока не сумеешь понравиться моему племяннику. Но поверь, этого не случится, пока ты не научишься вести себя надлежащим образом. Турецкие мужчины презирают грубых и непочтительных женщин. И частенько таких душат шелковым шнурком.

Упрек был заслуженный, и дерзкой Сарине достало ума покраснеть. Пробормотав слова извинения, она стала готовиться ко сну.

Госпожа Рефет подходила по очереди к каждой из девушек, чтобы поболтать с ней минуту-другую и приободрить. Затем, удостоверившись, что все в порядке, она велела невольнице погасить светильники и вышла.

– Сюда никто не должен входить, кроме меня и нашего аги, – сказала Рефет стоящей в дверях страже. – Попробуйте послушаться – и поплатитесь жизнью!

Она вошла в маленькую комнату, находившуюся по соседству с комнатой девушек, и там ее уже дожидались принц Селим и Хаджи-бей.

– Здесь нас никто не услышит, – сказал евнух.

– Хвала Аллаху! – воскликнула в ответ достойная дама. – Какое счастье, что я, наконец, смогу покинуть Эски-сераль! – Повернувшись к племяннику, она продолжала: – Дорогой мальчик, как мне благодарить тебя?

– Мне стыдно признаться, тетя, однако ваш переезд устроил Хаджи-бей. А я даже не подумал об этом...

– Я просто устроил дело, которое, как я знал, отвечает желанию вашего высочества и которым вы бы занялись самолично, если бы не множество других важных дел, – проговорил ага.

– С каждым днем меня все больше изумляет твое умение «устраивать дела», – усмехнулся принц. – Но теперь расскажи, что за девушек ты мне нашел? Почему именно эти три?

– Каждая из них достойна быть кадин, мой господин. По просьбе твоей матери в конце прошлого года я покинул Константинополь, дабы отыскать для тебя трех необыкновенных женщин. Нам нужны были девушки, незнакомые с обычаями гаремов – и причем такие, которые, зная свою судьбу наперед, были бы преданы тебе и телом, и душой. Фирузи родилась на Кавказе. Я купил ее в Дамаске. А Зулейка родом из Китая. Ее я отыскал в Багдаде. Сира же родилась в стране, которая называется Шотландия. Это к северу от Англии. Я купил ее в Кандии. Самые сокровенные наши надежды связаны именно с этой девушкой. В ней редкостно сочетаются ум и красота. К тому же, она обладает мудростью, которая, если ее должным образом направить, окажет нам неоценимую помощь. И это – совсем не в ущерб ее женственности! Молюсь лишь о том, чтобы она тебе понравилась.

– Сегодня вечером я уже имел случай убедиться в ее мудрости. Ведь это она навела меня на мысль преподнести подарок Бесме.

Хаджи-бей и Рефет с улыбками переглянулись.

– Наша маленькая птичка быстро учится летать, – заметил главный евнух.

– А еще у нее поразительные глаза, – продолжал принц. – Такие зеленые глаза, как у нее, встречаются очень редко. Они такие чистые и прозрачные... И в них пляшут золотые искорки и мелькают темные тени – точно листья в пруду.

– Значит, ты доволен моим выбором, господин?

– Да, однако же... Кажется, не доволен мой отец. Надеюсь, ты припас красавиц и для него. Не то он, чего доброго, заберет мой гарем себе! Фирузи восхитительна, а Зулейка великолепна. Должно быть, тебя благословили сами звезды, если сумел отыскать таких девушек! Но что ты думаешь о тех, кого выбрал я сам?

– Гречанка и индианка – прелестны. Скромные и добросердечные, они сумеют окружить тебя заботой. Однако я бы предпочел видеть какую-нибудь другую девушку вместо испанки. Вспыльчивая, острая на язык... она может стать причиной немалых бед.

– Увы, это правда, – подхватила госпожа Рефет. – Сегодня вечером она уже попыталась послушаться моего приказанья.

– Мы не спустим с нее глаз, – пообещал Хаджи-бей. – Но теперь – к делу! Ты уже знаешь, что твоя мать хотела, чтобы ты сделался наследником престола твоего отца. Найти тебе подходящих жен и перевести поближе к столице – все это лишь часть ее плана.

– Да, Хаджи-бей, я знаю, в чем заключался ее план. Но тебе ведь известно, что трон передается старшему из мужчин семьи. Ахмед – вот наследник моего отца.

– Наследником твоего отца был твой старший брат, – возразил ага.

– Мустафа умер в двухлетнем возрасте.

– Он был страшен болезнью после того, как однажды ходил в гости к Бесме. Мы подозреваем сладости, которые он принес с собой и которыми затем угостил свою мать. Малыш Мустафа жестоко страдал, а к утру умер. В течение многих дней твоя мать тоже была больна. От болезни она оправилась, однако была убита горем. Тогда я только вступил в свою должность, но с самого начала подозревал, что это – отравление. Я скормил остатки сладостей псу, и тот издох. Когда я рассказал об этом твоей матери, она люто возненавидела Бесму. И эта женщина – теперь мать наследника?

– Почему моя мать не обвинила Бесму во всеуслышание?

– Она это сделала, да твой отец не желал ее слушать. Прожив несколько месяцев в уединении, что было ей необходимо, чтобы изжить свое горе, твоя мать снова предстала перед султаном. Она по-прежнему была его любимой супругой, и он с радостью принял ее обратно. Ты родился как раз вследствие этого воссоединения. К счастью для Бесмы, у твоего отца к этому времени было уже двое сыновей – второго родила его третья жена Сафие, – и злодейка знала, что ее Ахмеду ничто не угрожает, поскольку твоя мать не решилась бы устранить сразу двоих претендентов на трон. Однако твоя мать решила – еще до того, как зачать тебя, – что именно ты должен занять место Мустафы.

Вот почему тебя так прилежно обучали наукам, вот почему твоя мать, когда поняла, что умирает, умолила султана вернуть тебя из Магнесии. Вся твоя жизнь проходила скрытно, и мы так берегли тебя и охраняли, что теперь даже собственному отцу ты кажешься незнакомцем. Твоя мать хотела, чтобы он увидел тебя, признал... и, возможно, захотел изменить порядок престолонаследия.

Но Кесем понимала, что в какой-то момент тебе следует предстать перед людьми, дабы они смогли узнать тебя получше. И янычары должны убедиться, что ты разительно отличаешься от твоих старших братьев. Ты добрый человек, Селим, ты прекрасный воин и праведный мусульманин. Стань отцом нескольких сыновей, и тогда султану не найти лучшего преемника!

Когда же для Баязета настанет время встретиться с праотцами в раю, ты должен действовать быстро. Еще до того, как султан испустит последний вздох, твои братья, их матери и все, кто им предан, должны будут умереть. Тогда султаном станешь ты, и твои мать и брат будут отмщены.

Хаджи-бей закончил говорить, и в комнате воцарилось молчание. Госпожа Рефет с волнением наблюдала за племянником. А Селим, выйдя на балкон, долго смотрел на сонный Константинополь. Кое-где горели тусклые огни, и тишину нарушал лишь лай бродячих собак, лаявших на полную луну. Внизу же струились быстрые воды Золотого Рога.

Наконец, обернувшись, принц проговорил:

– Их всех удавят, затолкают в мешки с камнями и бросят в пролив. Всех – кроме Бесмы. Ее я самолично скормлю собакам.

Хаджи-бей улыбнулся.

– Но дело это небыстрое, мой господин. Ты должен набраться величайшего терпения – подобно кошке Пророка. Если о наших планах станет известно, мы все станем покойниками.

– Я не подведу свою мать, Хаджи-бей – как и ты, друг мой. Я понимаю, что слишком много жизней висят на волоске...

– Час поздний, – напомнила госпожа Рефет. – Думаю, нам следует хоть немного поспать. Ведь у нас впереди – трехдневное путешествие...

Тут все поднялись, и ага, пожелав принцу и его тете спокойной ночи, выскользнул из комнаты через скрытую за коврами потайную дверь.

– Постарайся выспаться, дорогой племянник, – сказала госпожа Рефет. – А я буду стеречь твоих голубок.

– И тебе спокойной ночи, тетя. – Молодой человек проводил родственницу до двери и посмотрел ей вслед. Затем, затворив двери своей комнаты, хлопнул в ладоши, призывая слугу.

Невольник-слуга явился тотчас же. Раздев своего господина, он набросил ему на плечи тонкое шерстяное одеяние для сна и тихо удалился.

Снова выйдя на балкон, принц поднял лицо к ночному небу. Небесный свод, чистый и ясный, был залит светом бесчисленных звезд. И с каждым медленным вдохом душа принца наполнялась покоем. Теперь Селим точно знал, куда вела его судьба и что ему предстояло совершить, чтобы веления судьбы воплотились в действительность. Добросердечный принц Селим станет выражать всяческую преданность султану, сводному брату Ахмеду и всей своей семье. Скромный, но всем известный, он будет делать вид, будто совершенно доволен своей участью. А потом, улучив момент, нанесет удар – и получит все сразу. Империя достанется ему. Все остальные просто не годятся для того, чтобы ею править!

Душа его исполнилась твердости под стать железу, и отвернувшись от роскошной средиземноморской ночи, принц вернулся в комнату, улегся на постель и провалился в глубокий сон.

Глава 11

Утром небо было чистым и голубым, а солнце – ярким. Свежий прохладный ветерок овеивал огромный город, даруя ему аромат осенних цветов и спелых фруктов. В толпе же, заполнившей улицы, царило праздничное настроение, поскольку весь Константинополь знал о событиях, произошедших накануне в Эски-серале.

И именно сегодня принцу Селиму и его свите предстояло покинуть дворец и отправиться во вверенную его попечению провинцию.

Самые предприимчивые владельцы домов, стоявших вдоль улицы, по которой предстояло выезжать принцу, загодя продали места возле своих окон и на крышах. Счастливицы, успевшие эти места купить, предвкушали незабываемое зрелище.

И вдруг в толпе послышались взволнованные возгласы. Главные ворота Эски-серала начали медленно распахиваться, и зеваки тянули шеи, пытаясь разглядеть, кто покажется первым. А первым был отряд янычар в красно-зеленых одеждах, выезжавший верхом на гнедых, с лоснящимися боками лошадей. Яростно размахивая кнутах с металлическими наконечниками, янычары заставили толпу попятиться.

А потом появился Али Хамид, глашатай султана. Он был великолепен в шелковых оранжевых шароварах и в тюрбане с оранжевым пером. Блестящие бока его скакуна покрывала оранжевая с серебряным шитьем попона. Проскакав некоторое расстояние от ворот, он остановился и поднял руку. Зрители затаили дыхание.

– Слушайте, – нараспев произнес он низким, звучным голосом. – Слушайте, жители Константинополя, и восхищайтесь щедростью и великодушием нашего великого султана Баязета, верного слуги Аллаха на этой земле – да живет он вечно. Сегодня его сын Селим, дитя возлюбленной жены султана Кесем, покидает отцовский дом с величайшими почестями! Смотрите на него, жители Константинополя, и отдайте дань восхищения родительской любви! Учитесь примеру нашего великого султана Баязета!

Слушай, Константинополь! – продолжал глашатай. – Принц везет с собой шестерых девственниц, каждая из которых красотой не уступает утренней заре! Полученные в дар от нашего господина, они были выбраны из собственного гарема его отца. И принц мог выбирать сам! Кто из вас слышал о подобной щедрости?!

Огромную толпу всколыхнул гул одобрительных голосов.

Узри же, народ Константинополя, сколько даров были присланы теми, кто боится и почитает нашу силу и наше величие. Эти дары – дань уважения младшему сыну нашего господина! Восхищайтесь же бесподобным зрелищем, ибо в те дни, когда наступит осень вашей жизни, вы сможете вспомнить об этом и рассказать своим внукам о величии нашего могущественного султана Баязета, возлюбленного сына Мехмеда Завоевателя, покорившего Константинополь!

И глашатай султана пустил коня вперед, останавливаясь через каждые несколько минут, чтобы повторить свою речь. За ним следовал караван, груженный сказочными дарами, а по бокам шли невольники, принадлежащие дому молодого принца.

И вот в воротах показалась фигура на черном как смоль жеребце. Зрители в едином порыве рванулись вперед, чтобы лучше видеть всадника, но янычары снова осадил толпу.

– Это принц! – закричал кто-то в толпе. И крик был подхвачен множеством глоток.

– Селим, Селим, Селим!... – нараспев повторяли люди.

Пришпорив коня, принц влетел в самую гущу собравшихся. Он сидел на коне с удивительным изяществом, и на его губах играла улыбка. Принц был одет в белые с золотом одежды; на пальцах же его сверкали драгоценные перстни, а тюрбан украшал переливавшийся кровавыми искрами огромный рубин. Люди приветствовали принца восторженными криками, не

обращая внимания на жалившие их янычарские кнуты, и все пытались прикоснуться к ногам принца, обутым в сапожки из мягкой золоченой кожи.

– Господин, они ранят тебя! – закричал предводитель отряда янычар. – Позволь, я разгону этот сброд!

– Я знаю способ получше, чем кнут, – ответил принц Селим. Запустив руку в притороченную к седлу сумку, он вынул пригоршню монет, которые и бросил в возбужденную толпу.

Люди тотчас рассеялись, и принц смог проехать, время от времени снова извлекая из сумки и разбрасывая вокруг себя монеты – к бурному восторгу женщин и мужчин, падавших ниц.

За Селимом ехали евнухи-пигмеи, наряженные в новую желто-зеленую форму. За евнухами появилась госпожа Рефет. Ее серебряный с золотом паланкин несли четверо чернокожих невольников, и их кожа глянцевито поблескивала на солнце. А следом появились шесть белых верблюдов под высокими золочеными седлами и шатрами из фиолетового шелка. А внутри каждого из шатров находилась девушка из гарема принца.

Медленно двигаясь по узким улицам, процессия спустилась вниз по холму и выбралась на широкие аллеи главной части города. Становилось жарко, и Сира, закутанная с ног до головы во многочисленные покрывала, проклинала восточные обычаи – хоть бы все поскорее закончилось! Добрых два часа добирались они от Главных ворот Эски-серая до Восточных ворот, ведущих вон из города. Но за городскими стенами процессия, наконец, ускорила ход.

Ближе к вечеру они стали лагерем на невысоком холме над Черным морем, а наутро снова пустились в путь. Добрались же до места лишь к вечеру третьего дня.

Дворец Лунного Света с его сверкавшими на солнце белоснежными башенками уютно пристроился среди полого спускавшихся к морю зеленых холмов, и поначалу городок этот показался Сире очаровательным. Но затем, когда ее верблюд пустился трусцой по пыльной дороге, она стала замечать, что вокруг царило запустение. Дорога была обсажена высокими тополями, однако видневшиеся за деревьями поля густо заросли сорняками. Когда же они, наконец, добрались до дворца, девушка и вовсе была неприятно поражена. Здания, издали казавшиеся такими красивыми, на деле оказались удручающе ветхими. Дворец явно был заброшен на многие годы – здесь никто не жил и никто не заботился о том, чтобы поддерживать его в должном состоянии.

Через несколько минут, выбравшись из своего шатра, Сира бросилась к госпоже Рефет и воскликнула:

– Неужели нам предстоит поселиться тут?!

– Щедрость султана, по-видимому, ограничена стенами Константинополя, – сухо заметила пожилая дама.

– Отвратительно! Разве мы можем здесь жить?! – негодовала Сира. – Нужно немедленно что-то предпринять!

– Да, действительно... – раздался мужской голос.

Обернувшись, они увидели принца.

– Вспыльчивый нрав под стать твоим огненным волосам, – рассмеялся Селим.

Густо покраснев, Сира пробормотала:

– Прости твоей смиренной рабыне ее несдержанность, господин мой и хозяин.

Принц снова рассмеялся.

– В тебе нет ничего смиренного и рабского, Сира!

Девушка побледнела, а Селим продолжал:

– Но такой ты мне нравишься гораздо больше. В будущем я бы предпочел, чтобы вы, Сира, обращались ко мне как к мужу, а не как к придворному полубожеству. Тем не менее не забывайте, что я ваш господин. Я не позволю, чтобы мною командовала женщина. – Селим

повернулся к тетке. – Я ничего не понимаю в домашних делах. Что следует сделать, чтобы мой дворец стал пригодным для жизни? Тетушка, не отдадите ли распоряжения от моего имени?

– Дорогой мой мальчик, я не могу! Ведь я так мало знаю!.. Ты, наверное, забыл, что меня и твою мать взяли в гарем, когда нам едва исполнилось девять. С самого начала нас готовили к роли гедикли, но никак не домашних служанок. Однако Сиру учили таким вещам еще у нее на родине. Пусть распоряжается она, а я буду просто наблюдать за ее действиями.

– Хорошо, – ответил Селим. – Думаю, однако, что первым делом нам нужно поставить шатры, чтобы можно было расположиться с удобствами. Сира, отправь записку Хаджи-бею и напиши обо всем, что здесь требуется.

– Да, господин. – Овернувшись, девушка спросила у слуги: – Ты умеешь ездить верхом?

– Да, госпожа.

– Седлай мавританского скакуна, а потом возвращайся ко мне. А я напишу письмо, которое ты доставишь Хаджи-бею прямо в руки.

Раб умчался выполнять приказание, а девушка, повернувшись к наставнице, проговорила:

– Госпожа Рефет, может быть, вы запишете то, что я скажу? Я пока пишу по-турецки с ошибками.

– Разумеется, дорогая. И что же мне написать?

– Поведайте Хаджи-бею о том, что мы здесь обнаружили. А также о том, что нам нужны строители, чтобы привели в порядок кухни и бани. И еще – садовники! Нужно ведь обустроить сады! Кроме того, потребуется всевозможная мебель... и побольше рабов. И скажите ему, что все работы должны быть завершены через месяц. А пока что мы станем здесь лагерем, точно дикари-кочевники!

Госпожа Рефет велела невольнице принести пергамент и перья. И принялась писать письмо. Сира же подошла к девушкам и сказала:

– Что ж, сестрицы, мы очутились в выгребной яме, верно?

– Быстро же ты догадалась броситься к нашему господину и предложить свои услуги, – проворчала Сарина. – С чего ты решила, что можешь тут командовать?

– Это госпожа Рефет рекомендовала меня господину. О, Сарина, не будем ссориться! Тут столько работы!.. Ты когда-нибудь вела хозяйство в большом доме? Если да, то я буду счастлива передать тебе эту обязанность. Хочешь?

– Нет, не хочу, – буркнула девушка.

– Что ж, тогда этот груз мне придется взвалить на собственные плечи, – продолжала Сира. – Ведь когда-то, до того, как я попала в сераль, мне приходилось помогать бабушке вести хозяйство в отцовском замке. И, не окажись я здесь... была бы сейчас госпожой в собственном замке! Однако... В общем, мы все должны приняться за дело, чтобы наш господин был доволен.

Сарина вздохнула и проговорила:

– Мой отец был садовником в доме знатного сеньора, и я знаю толк в растениях и умею за ними ухаживать.

– Прекрасно! Тогда ты должна заняться устройством сада. Турки любят свои сады, и принц – не исключение. Согласна?

– Да, – ответила испанка. – Думаю, что справлюсь.

Сира положила руку на плечо Сарины.

– Значит, сады будут на твоём попечении, они – твоё царство, договорились?

Испанка кивнула и с усмешкой спросила:

– А не боишься, что в моем саду будет красивее, чем в самом дворце?

Сира не сразу нашлась с ответом. Наконец, улыбнувшись, сказала:

– В любом случае красивый сад не навредит.

Наконец, когда письмо в столицу было отправлено, Сира попросила у госпожи Рефет дозволения пройтись по имению, дабы осмотреться. Дозволение было даровано, и Сира неспешным шагом двинулась в обход.

Она быстро поняла, что это место могло стать восхитительным уголком – нужно было лишь как следует потрудиться. Расположенное на вершине утеса над Черным морем, поместье располагало и полями, и лесными угодьями. Бродя меж деревьев, Сира услышала журчание ручья и, шагая на звук, обнаружила водоем с чистой водой и песчаным дном, наполняемый водой из небольшого водопада в дальнем его конце. Водоем был проточным – с устьем в другом конце, а оттуда вода, просачиваясь меж небольших валунов, падала вниз с утеса прямо в море.

Опустившись на колени, Сира сложила руки ковшиком и зачерпнула воды. Вода оказалась необычайно приятной и прохладной!

«Я расскажу об этом остальным потом, – решила она, – но сначала выкупаюсь сама!» О, как давно она не имела удовольствия купаться в уединении собственной купальни! Сбросив одежду, Сира бросила ее на траву, заколола длинные рыжие волосы и вошла в воду. Через минуту-другую она уже весело плескалась в воде, испещренной зайчиками послеполуденного солнца. В кои-то веки за последние несколько месяцев Сира почувствовала себя абсолютно свободной! Но, развернувшись, чтобы плыть к берегу, она замерла в ужасе. На берегу, возле ее одежды, сидел принц Селим, рассматривавший ее с веселым удивлением. Ее ноги коснулись дна, и она посмотрела на принца с замешательством и даже с некоторой досадой.

– Выходи, моя маленькая Ундина, – сказал он. – Иначе твоя прекрасная кожа съежится от холода.

– Я не могу, господин.

– Отчего же? – Селим внезапно встревожился. – У тебя судороги?...

– Нет, господин мой... – Сира силилась найти верные слова. – Просто я, господин... Я не привыкла появляться голой перед мужчиной.

– Я поменяю твои привычки, – усмехнулся принц.

– Прошу тебя, господин...

– Если ты не выйдешь, моя русалочка, тогда я приду к тебе, – перебил принц со смехом и тут же сбросил с себя рубаху. Гладкую кожу его широкой груди с рельефными мускулами покрывал ровный загар.

– Вода отлично освежит тебя, господин! – крикнула Сира, внезапно осмелившись его поддразнить.

«Итак, она хочет поиграть... – удивился принц. – Вот проказница!»

Проворно освободившись от сапог и шаровар, Селим шагнул к воде и нырнул. Вынырнув же на поверхность, он с удивлением обнаружил, что находился в водоеме в одиночестве – Сира выскочила на берег в тот же миг, как он скрылся под водой, и теперь поспешно одевалась. Подплыв к краю водоема, принц выскочил из воды, и его взгляд не сулил девушке ничего хорошего.

Сира была обнажена до пояса, когда он схватил ее и распустил ей волосы, которые тотчас же упали на плечи девушки. В следующее мгновение принц впился поцелуем в ее губы, и она, задрожав всем телом, тихо вздохнула... и обмякла в его объятиях.

Селим замер на несколько секунд – такого он никак не ожидал. Принц опустил лишившуюся чувств девушку на мягкий мох и внимательно посмотрел на нее. Ее темные ресницы казались угольно-черными на фоне белизны щек. А между ее грудей отчаянно трепетало сердце. Ужасно смутившись и растерявшись – ему никогда еще не приходилось иметь дело с женским обмороком, – Селим пытался сообразить, что же теперь делать. Очевидная беспомощность девушки охладила его пыл; более того, ему вдруг захотелось как-то поухаживать за ней.

Протянув руку к накидке Сиры, он укутал ее, и в тот же миг она открыла глаза и прошептала:

– Прошу тебя, господин, только не так... Я ведь не деревенская простушка, чтобы завалить меня в лесу.

– Почему ты лишилась чувств? – спросил Селим.

– Я испугалась, господин. – Слабая улыбка тронула губы девушки. – Мне показалось, что ты очень рассердился.

– Мне следовало наказать тебя?

– Да, господин, – со вздохом ответила красавица.

Ее раскаяние казалось настолько искренним, что Селим невольно рассмеялся.

– Но ты же и впрямь пригласила меня войти в воду!

– Я тогда думала лишь о том, чтобы схватить свою одежду и сбежать, господин. – воскликнула она. – Ведь ты не стал бы преследовать меня голышом...

Принц промолчал. Честность этой девушки просто обескураживала. А потом он вдруг с удивлением услышал собственный голос:

– Знаешь, а я уже видел тебя обнаженной. Так что не нужно краснеть. Ты очень красивая. А в человеческом теле нет ничего такого, чего следует стыдиться. Может быть, ты станешь смелее, когда мы с тобой лучше узнаем друг друга.

Сира опустила глаза. Некоторое время они сидели в молчании. Потом принц снова поцеловал девушку и тут же почувствовал, что она опять задрожала.

– Не бойся, юная дева. Я не стану брать тебя силой, – ласково произнес принц.

– О, мой господин... – Девушка тут же умолкла.

А Селим, коснувшись пальцами ее губ, продолжал:

– Ты права, моя прекрасная Сира, ты не деревенская простушка, которую можно взять в лесу. Когда настанет наша ночь, у тебя будет полная луна и комната, полная благоуханных ароматов. И будут персидские напевы, а также принц, который уже влюблен в тебя. А пока надень сорочку и возвращайся в лагерь. Мне ведь не нужно говорить тебе, что никто не должен знать об этой нашей встрече, верно?

Девушка ушла, а Селим еще долго сидел возле воды, погруженный в глубокие размышления. Вид стройного тела Сиры распалил его страсть сверх всякой меры. Не лишилась она чувств, он бы набросился на нее – и все испортил бы. Хаджи-бей много раз рассказывал ему об этих трех девушках, которых купил для него сам, но всегда отмечал именно Сиру. Когда же Селим спрашивал, почему так, ага лишь загадочно улыбался и отделивался намеками.

– Ты сообразителен, сын мой, – говорил старый ага. – Скоро сам поймешь, почему эта девушка так тронула мое сердце. А я больше не стану влиять на твой выбор.

И Селим вскоре понял, что имел в виду мудрый ага. Наблюдая за поведением Сиры на празднике в честь его дня рождения, он просто восхищался ею. С первых же минут она покорила его и умом, и тактом, и стремлением быть полезной. За эти три дня, что провел в пути их караван, принц успел заметить, что Сира – прирожденный вожак, что не мешало ей, однако же, быть доброй и ласковой с остальными девушками. К тому же, она была почтительна к его тетке. И, как выяснилось только что, она была еще и очень скромна. Всего этого было вполне достаточно, чтобы ему захотелось узнать о ней как можно больше. Узнать не только тело прекрасной рабыни – хотя как раз тело Сиры и занимало Селима в данный момент больше всего.

Однако же... Ведь не меньше месяца уйдет на то, чтобы привести дворец в порядок. И разве сумеет он устоять, если все это время ему придется находиться поблизости от этой невинной соблазнительницы? Он обещал ей благоуханные, залитые лунным светом покои... И потому должен сдержать обещание во что бы то ни стало.

Разумеется, он мог бы взять на свое ложе другую девушку. Но он не хотел другую! Да и Сира могла бы обидеться... Хм... странно... Оказывается, он боялся ее обидеть!

Принц Селим проворно вскочил на ноги. Вернувшись в лагерь, он первым делом разыскал тетку.

– Я уезжаю на охоту, – сообщил он ей. – Домашняя суета, весь этот шум и гам – это не для мужчины. Дворец станет пригоден для жизни не раньше, чем через месяц. Вот тогда я и вернусь.

Не дав тетке возможности ответить, принц тотчас вскочил на коня и, кликнув своих татар, чтобы следовали за ним, ускакал прочь.

Глава 12

Посланный к Хаджи-бею невольник вернулся с сообщением о том, что кызлар-ага собственной персоной прибудет на следующее утро, дабы убедиться во всем воочию. Сира небрежно бросила рабу мешочек с монетами.

– Служи мне верно и ни в чем не будешь нуждаться.

Слуга с улыбкой кивнул и поклонился.

Ага прибыл не один. Он привел с собой караван, груженный роскошными шатрами и провизией. Были с ним и новые рабы. К закату свита принца была размещена со всеми удобствами, и над лагерем поплыл аромат кебабов из нежного мяса ягненка.

Наступила ночь, и обитатели шатров стали готовиться ко сну. Но Хаджи-бей и госпожа Рефет, оставшись наедине, продолжали беседовать.

– Я полагала, что наш дорогой Баязет должен был позаботиться о дворце, который подарил моей сестре, – проговорила пожилая женщина.

– В этом деле я усматриваю руку коварной Бесмы, – ответил ага. – Но ничего страшного. Я уже говорил с султаном, и он решил, здесь необходим незначительный ремонт.

– Незначительный? – возмутилась госпожа Рефет.

– Возможно, в разговоре с султаном я несколько погрешил против истины, – спокойно ответил евнух. – Однако султану вовсе не обязательно знать масштабы предстоящих работ. Тогда он вряд ли проговорится об этом Бесме. Хотя нельзя исключать и того, что она в любом случае примется интриговать и попытается отправить к нам своего соглядатая.

– Если она уже этого не сделала.

– Нет, невозможно, – заявил ага. – Я ведь устроил так, чтобы новые рабы, которых назначили к принцу, жили отдельно от всех прочих обитателей дворца. И я самолично выбрал рабочих, которые прибудут на рассвете. Тем не менее мы будем начеку. Ничто не должно возбудить подозрений этой волчицы. Когда же все будет готово, я позволю ей заслать к нам одного-двух шпионов. Доносить им будет нечего, и через год-другой ложное ощущение безопасности убавокает Бесму. У нее достаточно врагов и в Эски-серале, так что ей будет недосуг беспокоиться еще из-за какого-то ничтожного принца, который живет в нескольких днях пути от ее драгоценного Ахмеда.

– Друг мой, твои таланты прямо-таки изумляют меня... – заметила госпожа Рефет.

– Я не успокоюсь, пока сын госпожи Кесем не станет наследником султана Баязета! – решительно заявил ага.

Госпожа Рефет пристально на него поглядела и тихо спросила:

– Неужели ты так сильно любил мою сестру, Хаджи-бей?

– Я любил ее так, как только может любить мужчина, не являющийся таковым... Она была мне и матерью, и сестрой, и другом. Представь, тогда я только появился в гареме... Испуганный девятилетний ребенок, оторванный от семьи, увезенный из родной страны и жестоко оскотпленный! Большинство мальчиков, моих ровесников, умирали после такой операции. Я оказался одним из немногих счастливчиков, но в то время не знал этого. Кесем видела мой ужас, хотя сама была еще почти ребенком. Ты ведь помнишь, как она взяла меня под свое крылышко. Когда она стала икбал султана, я сделался при ней главным евнухом. Когда же родился ее сын, а старый ага умер, я занял его пост – благодаря ее влиянию! Я обязан ей всем, и я всегда разделял ее мечту о том, что султан признает своим наследником Селима. Она, как и я, видела, в какого выродка превратился воспитанный Бесмой Ахмед. Моя госпожа мертва, но ты, Рефет, жива, как жив и я. И мы сделаем так, чтобы мечта Кесем сбылась.

Лагерные костры догорали, ночь подходила к концу, и небо на востоке начинало потихоньку озаряться светом нового дня. Лагерь оживал, наполняясь суетой. Из столицы прибыли

рабочие, которым предстояло привести в порядок Дворец Лунного Света и вернуть ему былую красоту.

Сира с помощью Зулейки и Фирузи исследовала небольшой дворец, отмечая, какие работы необходимо провести. Девушка-гречанка Ирис и Амара, что была родом из Индии, взяли под свое начало домашних слуг и надавали им множество поручений. Сарина же, закутанная в вуали с головы до пят, прошлась по всем участкам, где некогда были сады. Испанка ничего не записывала, смело полагаясь на свою память. Без промедления велела она рабам вырвать с корнем подлесок и сорняки, которые успели здесь разрастись так, словно именно они были хозяевами этих мест.

Почва, освобожденная от сорняков и дикорастущих кустов, была вскоре распаханна, удобрена и заново засажена тысячами весенних луковичных растений, красиво цветущими кустами и всевозможными фруктовыми деревьями. Им бы только дожидаться весны! Воздух наполняло благоухание поздних роз и других осенних цветов, пересаженных из султанских теплиц.

Уже через месяц Дворец Лунного Света вернул себе былое величие и теперь был подобен сияющей жемчужине, лежащей на зеленом бархате холмов. Чтобы очистить стены от грязи, их оттерли песком. Поврежденные колонны и окна, сломанные железные решетки и неработавшие фонтаны – все это привели в порядок. Кухонные печи снова пылали жаром, а кладовые заполнились припасами. Крыши заново покрыли тростником, а из вычищенных и побеленных конюшен доносилось веселое ржание лошадей.

Интерьер дворца теперь поражаля искусной расстановкой мебели, привезенной из запасников Эски-серая. Повесили лампы, а также расстелили ковры. Еще во время своей первой прогулки по дворцу Сира обнаружила крыло, выходившее окнами сразу и на море, и на зеленые холмы, и она объявила, что гарем будет располагаться именно здесь.

Чтобы сюда попасть, нужно было пройти сквозь двустворчатые двери, ведущие во внутренний дворик. Здесь местные торговки могли расположиться со своим товаром, который они предлагали женщинам принца. Справа от главных дверей находилась обшитая деревянными панелями дверь, ведущая в маленькую закрытую для посторонних переднюю, откуда можно было попасть в комнаты гарема, главный зал которого был огромен; здесь обитательницы гарема могли прогуливаться, не рискуя быть увиденными. Слева от зала располагался коридор, ведущий в бани. По левой стороне коридора находились шесть комнаток – каждая с собственной маленькой передней для евнуха или рабыни. Окна каждой из этих шести комнат смотрели в отдельный уединенный садик.

Уже было решено, что управление домашними делами возьмет на себя Сира, которой должны были помогать Зулейка с Фирузи – до тех пор, пока не появится специально обученная невольница, которой и передали бы эту работу. Амара и Ирис по-прежнему распоряжались домашними слугами, а Сарина царствовала в садах.

В один прекрасный день по дороге, заново вымощенной гравием, галопом проскакал всадник. Его немедленно препроводили к госпоже Рефет.

– Принц Селим будет здесь к вечеру, – сообщил солдат.

Услышав новость, девушки принялись за дело. Сарина отправилась в сад. Фирузи бросилась на кухню, дабы сообщить поварам, что ужин сегодня должен быть безупречен. Амара с Ирис приказали слугам немедленно вычистить и проветрить покои принца. А Сира с Зулейкой бегали повсюду – чтобы следить за приготовлениями во всем дворце.

Наконец, вернувшись к себе, все девушки дружно проследовали в бани. Госпожа Рефет усмехнулась про себя. «Интересно, как долго продлится мир и покой во дворце теперь, когда принц возвращается?» – спрашивала она себя.

И вот Селим прибыл и, к своему восторгу, увидел прекрасный уютный дом и юных красавиц, робко ему улыбающихся из-за прозрачных вуалей.

– Ну как, племянник, нравится ли тебе твой дом? – спросила госпожа Рефет, показывая принцу обновленный дворец.

– Если честно – я поражен! – воскликнул Селим. – Уезжая, я никак не ожидал, что по возвращении найду дворец столь прекрасным! Даже сады выглядят так, будто были такими всегда. Во имя Аллаха – как тебе это удалось?

– Но я-то сама ничего не делала, – с усмешкой ответила Рефет.

Принц недоверчиво взглянул на тетюшку, а та продолжала:

– Племянник, разве ты забыл? Ты ведь оставил Сиру распоряжаться здесь. Именно она и прочие женщины твоего гарема создали это чудо! Если тебе понравился сад, поблаговари Сарину. А если мы угодили тебе с приготовлением блюд, – так это заслуга Фирузи. Ирис и Амара обучали невольников. Зулейка придумала обстановку и тайно дважды побывала в Константинополе, чтобы выбрать мебель в запасниках сераля. И за всем этим приглядывала Сира, которая правила твердой, но доброй рукой. Ты действительно благословлен Аллахом, раз у тебя такой гарем!

– И вправду, они, по-видимому, очень умны, – заметил молодой принц. – Однако... как насчет другого? Согреют ли они мою постель?

– О, дорогой племянник!.. – со смехом воскликнула госпожа Рефет. – Я прожила в Турции почти всю жизнь, поэтому могу сказать: если тебе недостает ума понять, каким сокровищем ты обладаешь, – тогда твоя глупость не имеет пределов! Твои девушки прошли отличное обучение и по части этого «другого». Не сомневаюсь, что ты останешься доволен. Все вы, мужчины, одинаковы. Поверь, никакие плотские утехы не порадовали бы тебя, если бы ты нашел вместо этого прекрасного дворца свинарник!

Селим тоже рассмеялся.

– Ох, тетя!.. – выдохнул он, утирая слезы с глаз. – Моя мать всегда говорила, что из вас, близнецов, ты – более деятельная и серьезная. – С этими словами принц обнял тетюшку и поцеловал ее в щеку.

Госпожа Рефет фыркнула и с лукавой улыбкой проговорила:

– Годами ты, Селим, – взрослый мужчина, но проделками подобен мальчишке!

Принц снова засмеялся и спросил:

– Ты разделишь со мной ужин сегодня вечером?

– Ах да, чуть не забыла! – воскликнула тетя. – В общем, твои девушки спрашивали... если ты не обессилел после дальнего пути, – не угодно ли тебе сегодня вечером отужинать в гареме? Действительно, Селим, пойдешь к ним. Девушки столько трудились, чтобы тебе угодить, а ведь они тебя почти не знают.

– Очень хорошо, тетя. Почти месяц я провел исключительно в мужском обществе. Пора мне познакомиться с моими красавицами. Скажи им, что я приду.

Госпожа Рефет низко поклонилась племяннику и вышла.

В этот вечер Селим сидел во главе стола и в искреннем восторге смотрел на девушек, что его окружали. Они напоминали цветы в его саду – Амара была в бледно-голубом, как расцветное небо, Сарина – в ярко-зеленом, Ирис – в персиковом, Зулейка – в бирюзовом, Фирузи – в тускло-розовом, а Сира – в бледно-фиолетовом. И все они были прекрасны – каждая по-своему! Селим почувствовал, что в нем просыпается желание. Больше месяца он обходился без женщины на своем ложе, – если не считать одной девушки-дикарки из кочевого племени, которую он по случаю осчастливил на охоте. Подобно всем османским принцам, Селим обладал здоровым и неумным мужским темпераментом.

Улыбнувшись, Фирузи спросила:

– Можно ли мне спеть для тебя, господин, песню моей родины? Сира изучала мой родной язык и сможет перевести тебе слова.

Селим кивнул, и рабыня принесла лютню. Фирузи тронула струны. Песня была веселой, и девушка с серебряными волосами оказалась прекрасной певицей и музыкантшей.

Сира же заговорила тихим голосом, переводя принцу слова, время от времени краснея в самых неприличных местах. Селим смеялся от души. Потом Фирузи завела нежную и романтическую персидскую песню любви. Тут поднялась со своего места Сарина и начала танцевать, чувственно извиваясь своим гибким телом в такт мелодии.

Селим взглянул на остальных девушек. Решительно в эту ночь ему необходима женщина! Но он знал точно – знал с того самого дня, когда сидел возле водоема рядом с Сирой, что именно эта девушка будет первая на его ложе. О Сира!.. Сдержанная, рассудительная – и столь желанная!

Шесть девушек оживленно щебетали, обмениваясь мнениями о сегодняшнем вечере. Они могли гордиться собой. Все прошло как нельзя лучше, и принц Селим явно был доволен. Они даже не заметили отсутствия госпожи Рефет, пока та внезапно не появилась снова.

– Мой племянник желает, чтобы одна из вас пришла к нему сегодня ночью, – сказала пожилая женщина.

Болтовня тотчас же стихла. Все девушки молча переглядывались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.